Пленённая

Автор:
Эрика Адамс

Пленённая

Эрика Адамс

Ещё вчера я была правительницей города, утопающего в золоте, а сегодня – рабыня, плетущаяся на привязи позади его коня. Он – один из тех, кого называют Бессмертные. Они воины-наёмники, лучшие из лучших. Клятва верности для них – всё, они не прощают предательства. И сейчас настал мой черёд платить по счетам. В оформлении обложки использованы фото со стока фотографий и изображений shutterstock.Содержит нецензурную брань.

Пролог

– Что это означает? То, что ты прошептал?

Я притянула его за шею для поцелуя. Он не заставил себя долго ждать и впился в губы требовательно и нещадно. Каждый раз мне приходилось отступать и сдаваться, раскрываться под его напором. Гореть и желать большего.

– Это всего лишь пара слов…

– Нет, они что-то означают. Я хочу знать, что именно.

Я упёрлась кулаками в его крепкую грудь, что было сил. Он усмехнулся – сломить это мнимое сопротивление не составит большого труда. Нарочно медленно прошёлся взглядом по обнажённой груди, огладил им тонкую шею и остановился на губах, начавших гореть в ответ. Он наслаждался ощущением

своей власти надо мной, приникал к чаше довольства и пил из неё жадными глотками. Я еле заставила себя сесть на нашем ложе из одежды и перекинула со спины на грудь копну золотых волос, спрятавшись за этой завесою, словно за стеной.

Он вздохнул и улёгся рядом, ведя пальцем по коже спины, легко и невесомо.

– Золотая девочка спряталась от меня? Твои редкие капризы словно возвращают меня в то время, когда я впервые увидел тебя. Опрокидывают далеко в прошлое, где ты ещё тонкая тростинка на ветру, которой нельзя касаться. Сейчас ты выглядишь именно так… Ширим шакрат…

– И вот опять. Ты снова что-то прошептал. Тихо-тихо, но я услышала.

Я разворачиваюсь и оказываюсь поймана в ловушку его рук. Он тянет меня на себя, заставляя улечься на грудь.

– Это всего лишь пара слов на моём родном языке.

Я поднимаю лицо и вглядываюсь в его невероятные глаза. Сегодня они цвета расплавленного золота, искрятся изнутри лёгким смехом.

– Не стоит смотреть на меня так, словно ждёшь от меня чуда, – он касается пальцем щеки, ведёт вверх и останавливается на едва заметном, теперь уже крошечном шраме, побелевшем со временем.

– Не чуда, а пары слов, только и всего.

Он цокает языком.

– Неугомонная. На вашем языке они бы звучали как «шрам на сердце».

– Шрам?

Мои пальцы бродят по известной карте шрамов, разбросанных там и здесь по его телу едва заметными белесыми росчерками.

– Такой как этот? – палец касается самого яркого, ещё розоватого бугристого шрама посередине груди.

– Нет, золотая. То, о чём я говорю, гораздо глубже. На самом сердце. Навсегда. Так у нас называют любимых. Шрам на моём сердце.

От сказанных слов внутри всё закручивается по спирали с бешеной скоростью. Я поднимаюсь, не зная, как выразить ураган, стремящийся вырваться наружу, вглядываюсь в его лицо. Вдруг раздаётся громкий звон. По смуглой коже ползут трещины, края их ширятся, превращаясь в чёрные провалы, затягивающие в гибельную, алчную пропасть…

***

Я резко села в кровати. Смутные обрывки сна стояли перед глазами. Острые осколки и сеточка трещин, звон разбитых зеркал до сих пор слышится внутри…

Моё сердце бешено колотилось. Оно билось так, словно уже вырвалось из грудной клетки на волю и отчаянно пыталось взлететь. И только кровавые путы не давали ему это сделать. Дурное ли предчувствие или горькое воспоминание заставило его так взволноваться?

– Что-то случилось, госпожа?

Рядом с кроватью возник силуэт – Ни?рса. Курчавая молодая служанка, ещё совсем девочка, маленькая верная прислужница, охраняющая мой сон.

– Нет, Ни?рса, всё в порядке. Ложись спи.

– Может, разогреть вам вина или укрыть дополнительным одеялом? Из окон тянет рассветным холодом.

– Боюсь, что сон уже не коснётся меня… Подай мне халат.

Ни?рса проворно вскочила и в два счёта закутала меня в тонкий, невесомый халат, сотканный из нежнейшей белой шерсти. Я отодвинула шторы и вышла на балкон спальни. Вдалеке уже начал светлеть горизонт. Ночная тьма нехотя

отступала бледнея. Яркий золотой луч пронзил серые перья облаков насквозь. Удивительный цвет. Редко встретишь такой… Словно лужицы топлёного сладкого мёда, с лёгкой горчинкой. Воспоминание вновь легонько коснулось сердца, заставив его болезненно сжаться. Значит, память о былом даёт о себе знать. Сколько можно проворачивать клинок в глубокой ране? Едва зарубцевалась и перестала ныть – как опять в лицо бьёт хлёстким ветром, вызывая непрошеные дорожки слёз на щеках.

И как забыть прошлое, когда в блеске каждой золотой монеты или украшения видится взгляд необыкновенных глаз? Насыщенно-жёлтый, звериный, как у моей ручной пантеры Шен-Ри. Он мог заставить плавиться тело одним только обещанием, брошенным красноречивым взглядом. Глаза цвета золота и тело, словно отлитое из бронзы рукой талантливейшего из мастеров… Довольно. Я до резкой боли, полной грудью вдыхаю холодный воздух и прячу все эмоции глубоко-глубоко внутри. Правительнице Веркса?ла не пристало лить слёзы по давно ушедшему прошлому. А глубокие раны – это лишь следы на песке, которые однажды смоет волнами времени. Должно смыть. Мудрецы говорят, что всё проходит и растворяется в великом ничто. Пройдёт и это…

Я стою на балконе ещё несколько минут, наблюдаю рассвет. Холодный и неотвратимый. Сегодня мне кажется особенно жестоким его наступление – беспощадное в своей предопределённости. Я зябко повела плечами – даже шерсть миркхи?йских овец не смогла согреть меня и выгнуть стужу изнутри.

Позже я ещё не раз буду вспоминать это утро. Последнее утро, когда ещё можно было наслаждаться иллюзией благополучия и счастливого будущего. Последнее спокойное утро в истории Веркса?ла. Потому что впереди нас не ждало ничего, кроме хаоса и повсеместного разрушения.

Глава 1. Артемия

Свет, льющийся из высоких узких окон, освещает низкую, кривоногую фигуру мужчины. Его одежда, сотканная из шкур животных, отороченная снизу мехом, выглядит чужеродно здесь, в роскошной обстановке Зала Совета. Так же, как и он сам. Он – посланец от наших врагов, собравших многотысячные войска под стенами города. Гонец, сверкнув раскосыми глазами, вразвалочку подошёл к

трону. Остановился перед ступенями, нахально оглядев меня глазами. Через мгновение из его рта полилась отрывистая гортанная речь. Переводчик замялся, не решаясь сказать вслух то, что молвил миркхи?йский гонец.

– Госпожа, – начал нерешительно переводчик, подбирая слова.

– Не стоит, Фили?т. Я прекрасно поняла, что хотел сказать миркхи?ец.

Я пригубила вина и обратилась на миркхи?йском к наглецу, осмелившемуся осквернить своим поганым языком моё имя.

– Войско твоего правителя собралось под стенами Веркса?ла, сотрясая воздух криками. Оно враг на пороге нашего дома. Ты же – гонец от врага, гость в моём доме. Мы приняли тебя, как полагается, но ты несёшь скверну в наши покои и своими речами попираешь законы гостеприимства. Скажи, твой правитель умеет читать?

Гонец недоумённо посмотрел на меня, но всё же согласно кивнул в ответ.

– Хиро?н, подойди.

По мановению моей руки вперёд выдвинулся высокий широкоплечий мужчина, обнажённый по пояс, с чёрной маской на лице. Палач, заплечных дел мастер. Лучший в нашем городе.

– Вырви наглецу язык и повесь на шею. Вырежи на лбу гонца слово «НЕТ».

Гонец дёрнулся было в сторону, но двое стражников подхватили его под руки, удерживая на месте. Хиро?н склонил голову в знак согласия и знаком приказал следовать страже за ним.

– Нет, постой. Ни к чему тратить время понапрасну. Приступай немедля…

Я отставила золотой кубок с вином и положила пальцы на подлокотники трона. Отец всегда говорил, что правитель должен не только уметь отдавать приказы, но и следить за их исполнением. Чего он не говорил, и чего я не могла предположить – так это того, что однажды мне придётся взвалить на свои плечи

управление Веркса?лом, принимая решения, больше подходящие по характеру мужчине.

Я смотрела, не отрывая взгляда, как стражи скрутили миркхи?йского гонца, а Хиро?н силой разжимает сжатые челюсти мужчины. Как тот истошно вопит и пытается вырваться, дико вращая глазами от ужаса. Тёмная, багряная кровь струится прямо на белый мраморный пол, пятная его. Мои пальцы изо всех сил вцепились в красное полированное дерево подлокотников. Я приказываю себе смотреть, не отводя взгляда и не подавая вида, что всё нутро бунтует против тошнотворного зрелища.

Когда Хирон заканчивает, гонец едва стоит на ногах, пошатываясь от шока. Его лицо и одежда залита кровью.

– Выведите его за пределы городских стен. Пусть миркхи?йские выродки прочтут ответ Веркса?ла. Мы не преклоняем колен ни перед кем.

Я поднимаюсь и иду прочь, чеканя шаг. Придворные склоняют головы в знак согласия. За моей спиной маячит фигура Приа?ма, командующего армией.

– Они возьмут город в осадное положение.

– Приам, мы и без того уже две седмицы в негласной осаде.

– Да, – кивает он, – но сейчас у них будет повод атаковать нас.

– Они бы и без того его нашли. Хочешь сказать, что нужно было промолчать в ответ на предложение этого узкоглазого ублюдка или стерпеть оскорбление?

– Это было сделано нарочно. На самом деле я думаю, миркхиец знал, на что он шёл.

– Так же, как и мы. Сколько мы можем продержаться в осаде?

Приам задумывается. Его суровое лицо застывает на несколько мгновений. И я знаю, что он на самом деле размышляет над моим вопросом, а не отвечает наобум.

– Если экономить припасы, мы можем продержаться год или около того. Если же жить ни в чём себе не отказывая, максимум полгода.

– Хорошо. За это время воздушные посланники достигнут адресатов и к нам выдвинется подмога. Мне нужно знать, какие у нас шансы?

– Стены Веркса?ла неприступны. Их не взять измором, и очень тяжело разрушить. А у этих дикарей даже нет крупных метательных машин. Мы будем опрокидывать их раз за разом со своих стен. И одержим победу.

– Хорошо. Я думаю, нужно созвать Совет и пригласить прорицательницу. Пусть молвит о том, что говорят боги.

– Ресксено?р будет присутствовать, моя госпожа?

Я горько смеюсь.

– Ресксено?р, мой супруг, выныривает на поверхность реальности только затем, чтобы вновь накуриться дымом та?йсы.

– Я понимаю, госпожа. Но всё же власть сосредоточена в его руках. И многие ропщут, видя, что вы принимаете все решения.

– Что изменится, Приа?м? Они увидят обкуренного правителя. О его пристрастиях известно всем и каждому, так же ,как то, что я управляю Веркса?лом на протяжении последнего года.

– Всё верно. Год выдался неплохой. Не лучше и не хуже предыдущих. Всё идёт своим чередом. Но некоторые злопыхатели склонны подмечать все неудачи и закрывать глаза на успех. Они своими ядовитыми речами стравливают Совет открыто выступить против Вас.

– Вот как? – я резко оборачиваюсь, – если это так, почему они все ещё живы? Почему я не вижу их голов, насаженных на пики?

– Они действуют очень осторожно. Думаю, смерть фаворита Ресксено?ра была неслучайной. Кто-то хочет расшатать почву под вашими ногами и выбить из-под вас трон.

– Этому не бывать! А что касается околотронных интрижек… Приам, у нас нет времени разбираться с мелочной грызнёй. Под нашими стенами многотысячное войско миркхийцев. Сейчас мы должны быть сплочёнными как никогда ранее.

– Да, моя госпожа. Но чаще всего происходит наоборот. В тяжёлый момент союзы рушатся и каждый пытается урвать свой кусок… Возможно, кто-то из Совета не одобрил бы вашего решения касательно гонца.

– Я больше ничего не желаю слышать. Мужчины предпочитают молча проглатывать оскорбления и прямые угрозы? Пусть так!.. Вполне возможно, многих из вас можно назвать мужчинами только потому, что между ног болтается естество. Мы дадим отпор косоглазым выродкам. И точка.

Приам согласно склонил голову и больше не пытался поколебать моё мнение. Я шла с выпрямленной спиной и гордо поднятой головой. Так как того требовал статус жены правителя города-государства Веркса?л. Несломленная и полная решимости. Придворные и слуги покорно склоняли головы и смотрели с восхищением.

Знал бы кто из них, какая мёрзлая стужа была в эти моменты внутри меня. Мне хотелось обнять себя руками и спрятаться как можно дальше от всех проблем, тяжб и вопросов, что падали на меня, погребая под собой, словно оползень. Мне нужна была твёрдая рука и поддержка. Мне нужно было мужское плечо рядом. Которого не было.

Я остановилась перед дверьми в покои своего супруга, Ресксено?ра. Нетерпеливо взмахнула рукой, давая знак стражникам отворить двери и отойти в сторону. Внутри огромного помещения царил полумрак, несмотря на то что время перевалило за полдень. В нос ударил кислый запах выпивки и застоявшихся блюд. Я прошла через всю комнату и резким движением сорвала плотные шторы со всех окон, впуская внутрь солнечный свет.

– О-о-о-о-о… – раздался возмущённый стон со стороны огромно кровати. На ней, среди десятка подушек и одеял появилась светлая растрёпанная голова

супруга, – Артемия… Конечно, кто же ещё?

Я подошла к кровати и поморщилась, заметив лежащего рядом с Ресксено?ром обнажённого щуплого паренька.

– Остался ли во всём Верксале хотя бы один смазливый раб, к чьей заднице ты не успел приложиться, Ресксено?р ?

– Опять то же самое…

Ресксено?р сел на постели, не стесняясь наготы, и потянулся за кувшином. Схватил глиняный сосуд и принялся пить прямо из горла.

– Слуги! Эй вы…

Осоловевший взгляд Ресксено?ра остановился на курильне. В открывшемся дверном проёме возникла служанка.

– Да, господин?

– Принеси мне та?йсы.

– Пошла прочь, – гневно кинула я служанке, перебивая Ресксено?ра, – никакой та?йсы. Это приказ…

– Вообще-то, правитель здесь я…

– Ты пьян и обкурен. И годишься только на то, чтобы трахать молоденьких мальчиков, Ресксено?р . Ты – жалкое и бледное подобие человека. Мужчиной тебя язык не поворачивается назвать. А уж правителем тем более.

Я перевела дух:

– А ты, – обратилась я к служанке, застывшей в раболепной позе, – передай всем. Никакой та?йсы. Если узнаю, что кто-то ослушался моего прямого приказа, скормлю ваших детей Шен-ри. Всё ясно?

– Да, госпожа.

Поклон вышел почти до самой земли. Служанка едва ли не облобызала пол и ушла, пятясь назад.

– Как ты сурова, Артемия!

– Так же, как ты – мягкотел. Выбирайся из постели и приведи себя в порядок. Сегодня вечером я созываю Совет. И ты должен на нём присутствовать. И непросто присутствовать, Ресксенор, но раскрывать рот, говоря то, что требуется.

– А если я не хочу? – дерзко ухмыльнулся супруг. Он приблизился ко мне вплотную, обдавая запахом закисшего вина и потного тела.

– Твоё право, Ресксено?р . Но помни, я трое суток не кормила Шен-ри. Она могла совершенно случайно выбраться из клетки…

– Не стоит пугать меня своей пантерой, – прошипел Ресксено?р , – я уже жалею, что сделал тебе такой подарок на свадьбу.

– Это единственное, что пришлось мне по душе из сделанного тобой. Я надеюсь, что ты меня услышал и сделаешь всё именно так, как я жду того от тебя.

Я оставила Ресксено?ра в его опочивальне. Когда-то отец выбрал мне в мужья одного из самых знатных, богатых и красивых мужей нашей долины. Золото семьи Ресксено?ра и могущество моего рода слились в брачных узах. Тогда Ресксено?р был хорош – высокий, статный, золотоволосый. Хорошо воспитан и образован, умён и не лишён обаяния. Но все его положительные черты меркли перед тем, что он был слабоволен и падок на пагубные пристрастия. Наш союз был простой договорённостью, не более того. Мы сосуществовали в рамках одной семьи, словно два соседа, чуждых друг другу. Поначалу он неплохо управлялся с Веркса?лом. Но ровно до того момента, пока всё шло гладко. Как только случалась неприятность, от его хвалёной мудрости и начитанности не оставалось и следа.

Мне приходилось в одиночку разгребать ворох дел. Он начал постепенно отходить от управления городом. А как только отравили его фаворита, Моро?на, он совсем сдал. Он всё больше начал пить ви?на и накуриваться до одури та?йсой. Толку от него сейчас – как от козла молока. По пути он растерял абсолютно всё, даже внешность. Сейчас он потасканный, обрюзгший, с опухшим лицом являл собой жалкое зрелище. Помощи от него не было никакой. Я осталась один на один с огромным городом, утопающим в золоте и пороке, где за каждым углом притаились тени заговорщиков, желающих свергнуть неугодную правительницу. И будто бы мало мне этих проблем – узкоглазые кочевники, словно саранча, пожирающие всё на своём пути, выстроились под стенами Веркса?ла.

Миркхи?йские выродки, живущие под открытым небом в своих кибитках, объединились. Удивительно, как правителям всех семерых улу?сов удалось договориться между собой. Обычно они грызлись между собой, словно пустынные шакалы за кости. Но всё это неважно… Важно лишь то, что сейчас их войско стоит под нашими стенами, и правитель Симби?р, выбранный ими, позволяет себе непростительную дерзость.

В первый же день они обезглавили нашего гонца, отправленного к ним с белым флагом. Головой бедняги запустили в городские стены, выставив ультиматум: они оставляют город в покое, не разрушая его стен, если мы согласимся дважды в год выплачивать дань и отдавать им в услужение две сотни крепких парней и красивых девушек. Возможно, кто-то из Совета бы и трусливо согласился на подобные условия. Но я нутром чуяла, что на этом они не остановятся. Бессовестные ублюдки первыми попрали законы о мирных переговорах и не было никакой гарантии, что сразу после того, как мы откроем городские ворота, они не вырежут всё мирное население, разграбив наши дома. А сегодня их посол и вовсе перешёл границы дозволенного.

– Эмир Симби?р так любезен, что предлагает Верксалийской белой шлюхе занять почётное место его пятой жены.

Аппетиты у Симби?ра были невероятные, так же как и наглость. Ответить иначе на дерзкие слова посла я не имела права…

В пустынных коридорах дворца звук касания лёгких сандалий о мраморный пол разносится далеко. Позади меня на некотором расстоянии бесшумно скользят двое стражников.

– Останьтесь здесь, – велела я, едва дошла до дверей усыпальницы.

Один из стражей выдвинулся вперёд и осмотрел небольшое помещение. И только после этого пропустил меня. Двери захлопнулись за мной с лёгким стуком. Я зажгла лампадку с ароматическим маслом и опустилась на каменный пол. Больше не нужно было притворяться. Здесь меня не видит никто, кроме ликов предков. Язычки пламени свечей чуть дрожали и отражались в позолоченной поверхности черепов, выставленных полукругом на полках. Каждому усопшему мужчине рода – отведено своё место. Сейчас я находилась прямо напротив черепа отца, славного Ликоме?да, ушедшего в мир иной несколько лет назад. Я коснулась пальцами гладкой поверхности черепа, залитого золотом. Подушечки пальцев кольнуло холодом.

– Помоги мне… – прошептала я, закрывая глаза.

Перед взором возник отец, спокойный, уверенный в себе, всегда знающий, как поступить… В голове тихо звенела тишина. Ни голоса, ни намёка свыше – ничего. Возможно, все жрецы и прорицатели лгут. И после смерти от нас не остаётся ничего – только пустота, как в глазницах черепа, что сейчас смотрят прямо на меня.

– Ты ошибся с выбором, отец. Ресксено?р мог похвастаться только полным кошельком своего рода – и больше ничем. Как мне поступить?..

Губы сами шептали слова в полной тишине. Ответа не последовало. Его не было и ранее, не было слышно и сейчас. В дверь усыпальницы осторожно постучали.

– Госпожа, – раздался приглушённый голос стражника, – вы просили доложить вам, как только главный провизор явится во дворец.

Несколько минут немой тишины в полном одиночестве – вот и всё, что было доступно мне сейчас. Я поднялась с колен и коснулась губами черепа отца.

– До скорой встречи, отец. Дай мне сил пережить ненастные дни…

Внезапно огни свечей дёрнулись и разом погасли, погружая усыпальницу в полную тьму. Я горько рассмеялась:

– Это и есть твой ответ?

Тишина…

Глава 2. Артемия

Никому не следует знать, что я навещала прорицательницу Сиби?ллу в её келье тайком. Об этом известно только близнецам – А?грию и А?зию, моим стражам, всюду неотступно следующими за мной. Но в преданности этих двоих я уверена как ни в ком другом. Они скорее откусят себе язык, чем вымолвят хотя бы одно лишнее слово. Сиби?лла лежит на шкурах зверей, перебирая в руках тонкие нити. Глаза прикрыты, но это не означает, что она не видит меня. Её внутренний взор способен пронзать облачные выси и земную твердь.

– Я знаю, зачем ты здесь, Артемия, дочь Ликоме?да.

Я сажусь рядом с прорицательницей.

– В таком случае мне не нужно произносить лишних слов.

– Ты хочешь, чтобы я подарила твоим подданным ложную надежду.

Она не спрашивает, она утверждает, кивая , словно беседует с кем-то внутри себя и соглашается с его словами.

– Я не знаю, ложная ли она? Поведай мне о том, Сиби?лла.

– Что именно ты хочешь знать? Но помни, что ответ не всегда может быть таким, которого ты ждёшь.

Я тихо смеюсь.

– Мне известно об этом, Сиби?лла. Я хочу узнать, выстоит ли Верксал?

Сиби?лла садится и открывает глаза, пронзая меня ясным взглядом почти бесцветных глаз.

– Все города рано или поздно падут, станут камнями и пылью. Сегодня я не могу сказать ничего, кроме этого. Прольётся немало крови… А твой путь будет тяжёл.

Я нетерпеливо отмахиваюсь:

– Мне известно, что судьба правителя – не самая лёгкая ноша. Мне интересно узнать судьбу Веркса?ла.

Сиби?лла словно не слышит меня:

– Долгий путь, усеянный острыми осколками прошлого. Шипы, пронзающие плоть. Кровь и боль…

Я касаюсь её ладони своей рукой. Она вздрагивает и словно просыпается ото сна, отрицательно качает головой:

– Я не могу сказать тебе ничего, кроме того, что ближайшие дни будут раскрашены красным. Цветом боли и страха. Веркса?л ждут непростые времена.

– А его конечная судьба? Не та, что грядёт спустя десятилетия? А гораздо ближе?

Сиби?лла качает головой:

– Тишина. Иногда звёзды молчат, лишь холодно светят сверху.

Я сижу без движения некоторое время.

– Хорошо, – я поднимаюсь, оправляя складки длинного платья, – тогда мы заставим их говорить то, что хотят услышать жители. Сегодня вечером на Совете ты будешь гадать на внутренностях жертвенного агнца. И ты увидишь, что Веркса?л одержит победу. Тяжёлую, но заслуженную.

– Стены Веркса?ла простоят ещё не одно десятилетие.

– Именно это ты и скажешь.

Сиби?лла согласно кивает и на прощание ласково касается моей щеки рукой:

– На твоих плечах – ноша, что не каждому мужу по силам. Но иногда сталь оказывается слишком хрупка. Будь как ива, Артемия.

Я склоняю голову в знак согласия и покидаю келью прорицательницы, застыв без движения на некоторое время.

– Куда желает отправиться госпожа? – спрашивает А?грий.

Иные не могут отличить братьев одного от другого. Но для меня они словно день и ночь. Я безошибочно узнаю, что говорит именно А?грий по его чуть более торопливой речи. Я колеблюсь мгновение. Мне нужно ещё раз принять главного провизора со всеми его свитками, в которых записаны все наши припасы, и определить количество ежедневной пищи. Совет ещё не созван и решение не вынесено. Но я уже готовлюсь к длительной осаде, как и Приа?м. Один из немногих, на кого я могу рассчитывать, как на саму себя. Он служил ещё моему отцу и в какой-то мере он заменяет мне его хотя бы тем, что его присутствие всегда напоминает мне об отце, словно Приа?м при себе носит частичку его тени. Совет согласится с моим решением. Или их всех сожрёт моя ручная пантера. Мне надоели их постоянные увёртки и лицемерие. Я хочу видеть подле себя людей верных и преданных. Таких, как… Я едва не зажимаю рот самой себе. Нельзя произносить настоящие имена не упокоенных мертвецов.

– Я хочу посмотреть на бойцов из Клеток. Отведите меня к Кири?ну.

Братья, переглянувшись между собой, кивают. А?грий выходит наружу, А?зий остаётся рядом со мной. Мне нравится их способность без единого слова понимать друг друга. Словно между близнецами натянута невидимая, но нерушимая нить.

– Повозка готова, – возвещает А?грий через пару минут.

Я окольными путями выхожу во внутренний двор. Там меня уже дожидается лёгкая открытая повозка, запряжённая двумя ослепительно белыми жеребцами. Я забираюсь внутрь и знаком останавливаю близнецов, которые хотели соединить над моей головой и с боков повозки защитные металлические пластины.

– Это в целях безопасности, госпожа, – с нажимом произносит А?зий.

– Нет. Это приказ. Не хватало ещё разойтись слухам, что правительница Веркса?ла раньше времени прячет голову в песок. Я хочу видеть своих жителей и приветствовать их как полагается.

Они подчиняются. И лёгкая повозка быстро мчит нас через весь город на его окраину, где находятся Клетки. Огромное пространство, отданное под размещение бойцов-рабов, собранных с самых дальних уголков земель. Там располагаются приземистые домики и тренировочные поля. А немногим поодаль возвышаются белые кирпичные стены Арены.

Меня пропускают внутрь огороженного периметра и без лишних предисловий ведут прямиком к Кири?ну. Он – хозяин Клеток, но бессменный раб Веркса?ла. Я иду вдоль полей, на которых проходят ожесточённые тренировки, больше напоминающие настоящие бои – так стремительны и яростны удары мечей. Вокруг стоит лязг мечей и крики, из-под пят бойцов в воздух взметаются тучи песка.

Поневоле замедляю шаг, впитывая глазами блеск полуобнажённых, потных тел, сошедшихся в поединке. Бойцы не прекращают тренировок, даже когда замечают меня. Напротив. Я улыбаюсь и одобрительно киваю двум мужчинам, сошедшихся в рукопашном бою.

– Кири?н ждёт вас.

Кири?н немолод, но и не стар. Он один из тех людей, что до самой смерти словно застывают в неопределённом промежуточном возрасте. Суровое лицо испещрено побелевшими от времени шрамами. Лысая голова поблескивает под яркими лучами солнца. Он склоняет колени передо мной в знак почёта, а я нетерпеливо велю ему подняться.

– Я не за тем пришла, Кири?н, чтобы смотреть как один из самых лучших бойцов собирает песок коленями. Мне нужна твоя помощь.

– Помощь? – удивляется он, – прикажи, и я исполню твой приказ.

– Нет, мне нужна именно твоя помощь и совет. Сколько ты скитался по Землям? И со сколькими племенами тебе пришлось сражаться?

– Много, моя госпожа.

– Тогда ты знаешь не понаслышке и о миркхийцах, что сейчас стоят под нашими стенами.

– Знаю, – усмехается Кири?н, – косоглазые – словно муравьи. С одним справиться не составит большого труда, но их сотни и тысячи. Убиваешь одного – следом лезут ещё десять, такие же низкорослые, кривоногие и настырные. Говорят, их женщины рожают дважды в год, потому они не щадят своих бойцов.

– Какие у нас шансы?

– Разве не с главнокомандующим армией нужно обсуждать подобное?

– Наша армия… Она вышколена и обучена, но в скольких сражениях она участвовала за последние лет десять? Отбивали атаки мелких племён, и только. У тебя же плечами – опыт и непрекращающаяся битва.

Кири?н вздыхает.

– Говорят, косоглазые объединили все свои улусы?

– Всё так, Кири?н. Слухи не лгут.

– Тогда собравшиеся под нашими стенами – это лишь небольшая часть. Скорее всего, там, за грядой ещё собрана их конница. Под стенами они обычно располагают лучников и пеших воинов – мясо, годное на убой. Как вы хотите бороться с ними?

– Сегодня – Собрание Совета, после него и решим, – начинаю я, но тут же добавляю, – по словам Приа?ма, у нас нет иного выбора, кроме как, пережидать осаду и послать за подмогой. Соседние города, с которыми у нас тесные отношения и договорённость, должны прийти на подмогу. Приа?м говорит, что стены Веркса?ла неприступны. Ещё никому не удавалось сокрушить их.

– Моя госпожа, – говорит Кири?н, – я не раз видел стены, так и остававшиеся неприступными, но всё население за их чертой оказалось вырезанным подчистую. Если вы хотите одержать победу, нужно атаковать.

– Я хочу, чтобы ты присутствовал на Совете.

– Моя госпожа…

Кири?н удивляется и потирает лысую голову.

– Я хочу, чтобы ты рассказал всем присутствующим всё, что знаешь о миркхи?йцах. Если предложу атаковать я, ко мне не прислушаются. Мужи Веркса?ла учат своих женщин держать мечи – в руках, а язык – за зубами. Я могу кричать о необходимости выступать и пытаться прорвать стройные ряды косоглазых, но структура власти такова, что даже я буду вынуждена подчиниться голосу Совета…

– Это честь для меня… Но, боюсь, что голос раба будет звучать ещё тише вашего.

– Ты непросто раб, ты – Хозяин клеток. Сколько раз благородные мужи богатейших семей покупали у тебя бойцов? Или аплодировали стоя их смелости и мастерству?

– Госпожа, в вас благоразумия и чести больше, чем во всех тех, кого вы зовёте благородными.

Я грустно улыбаюсь. Кири?н подствержда́ет мои опасения – скорее всего, к нам не прислушаются. Есть ещё Приа?м… Мало. Ничтожно мало. Но попытаться нужно.

Глава 3. Артемия

Кири?н оказался прав. Когда я знаком подала сигнал ввести в зал Кири?на, поднялся необычайный гвалт: хвалёные мужи Веркса?ла возмущались как рыночные торговцы, из-под носа у которых увели товар. Некоторые из них опустились до открытых оскорблений и пренебрежения, плюя под ноги рабу, шедшему твёрдой поступью к подножию трона. Мне было противно смотреть на их красные от натужного крика лица, искажённые злобой и яростью. Презренные блюдолизы и трусы, тучные мешки, набитые золотом и спесью. Не пристало правительнице лезть со словом впереди супруга. Но Рексено?р хоть и явился на Совет почти трезвым, сидел с равнодушным видом.

– Шен-Ри?, – тихо позвала я.

Пантера, лежавшая у моих ног, приоткрыла жёлтые глаза и громко рыкнула. Звериное рычание взвилось в воздух и разнеслось на всё пространство зала. Возмущённые голоса на мгновение утихли.

– Успокойтесь, славные мужи и мудрейшие советники Верса?ла, – равнодушно проронил Рексено?р, – этот раб был приглашён для того, чтобы поделиться знаниями о враге, подобравшемся к нашим стенам. Молви, раб!

Болван, насквозь прокуренный та?йсой!.. Я заранее втолковала ему, что именно следует сказать и как представить Кири?на. Он и сам знал. Они знали, кто такой Кири?н. И они в числе первых рукоплескали ему и его бойцам, когда те выступали на Арене. Но сейчас… Сейчас они видели в нём только раба, призванного развлекать их. Слепцы…

План с треском провалился. Совет наотрез отказался атаковать миркхийцев. Кто-то из числа Советников подал голос, призывая нас принять предложение кочевников: открыть ворота города и согласиться выплачивать дань. Трусы…

– Рексено?р! – ткнула я в бок супруга, – пора. Прерви их и дай слово Приа?му!..

– Чего ты добиваешься? – лениво спросил он.

– Заткнись и делай, что говорю. Твоя новая постельная игрушка в руках моих людей. Не сделаешь, что велю, найдёшь его распотрошённым на пороге своей спальни. Его и всех последующих…

– Ты не посмеешь! Это можно будет считать открытым объявлением войны…

– Уже посмела, – спокойно произнесла я и махнула рукой одному из своих стражей. Я блефовала. Но Рексено?ру не нужно знать об этом. Страж склонил голову и развернулся. Просто проверить, безопасно ли вокруг зала Совета. но Рексено?р едва ли не взвился на месте.

– Останови его!..

Я окликнула слугу и повторила приказ об обходе территории. На висках Рексено?ра выступили капли холодного пота. Испугался. Да, он сильно сдал за последний год. Вернее сказать, низвёл себя до скотского состояния. А тем временем на моих глазах претворялся в жизнь запасной план… Если бы не проклятая структура власти, позволяющая супруге правителя выступать вместо него в хозяйственных вопросах, но запрещающая приближаться ко всему, касающемуся военной политики!.. Мне не пришлось бы играть в закулисные игры. Но реальность была иной. Потому я слушала Приа?ма с замершим сердцем. Старый вояка блестяще справился со своей задачей. Его авторитет был силён, а опыт насчитывал не один десяток лет. Советники согласно закивали головами, поднялся лёгкий ропот.

– Я готов выслушать Вас, мудрейшие. Но время для принятия решения ограничено. По паре мер времени на каждого, не больше, – подал голов Рексено?р.

Советники недовольно переглянулись. Пара мер времени – ничтожная малость для привыкших сотрясать воздух пустым красноречием. Придётся вам быть краткими… Большинство Советников были согласны с Приа?мом, но нашлись и те, кто продолжал настаивать открыть ворота перед врагом. Причём некоторые особенно активно. Я мысленно занесла их имена в пергамент красными чернилами – нужно будет дать приказ Дио?ну и его «крадущимся». Никто из тех, кто был готов открыть ворота, не проснётся завтрашним утром.

Суровые времена – тяжёлые решения.

– Я внял вашим словами, а теперь настала пора узнать, что говорят Боги.

Высокие двери в начале зала отворились. Вперёд шагнула фигура, до пят закутанная в серый плащ. Сибилла. За ней шли двое слуг, нёсших огромное бронзовое блюдо, и мальчишка, вёдший на привязи ягнёнка. Прорицательница остановилась посередине дорожки, ведущей к трону. Советники, сидящие по обе стороны от дорожки, насторожились, приготовившись внимать словам Сибиллы.

Сибилла сбросила на пол плащ, оставшись только в платье из грубой мешковины. Лицо её было скрыто алебастровой белой маской, только через специальные отверстия были видны провалы глаз и рта. Жертвенного ягнёнка поставили в центр блюда. Он дёрнулся в сторону и заблеял, но вдруг замолчал и застыл на месте без движения, едва прорицательница сказала пару слов. Привычным монотонным ритмом она начала читать молитвы, двигаясь вокруг блюда. Голос её усиливался и уносился спиралью ввысь, отражаясь эхом. Прорицательница подошла к мальчишке и приняла у него из рук кинжал с лезвием в форме полумесяца. Взмах, пара резких движений – ягнёнок заблеял пронзительно и громко, но через мгновение замолчал. Сибилла распорола брюхо, извергшее из себя внутренности животного. Слуги по знаку Сибиллы подняли тушу ягнёнка и унесли прочь. От тёплых внутренностей вверх поднимался пар. Прорицательница кружила вокруг них, всматриваясь, шевеля кишки пальцами. Затем воздела вверх руки, обагрённые кровью. Её тело начал бить сильный озноб, не прекращающийся несколько мер времени.

– Стены Веркса?ла будут стоять ещё не одно столетие, – низким утробным голосом произнесла она, не разжимая губ, и обессилено рухнула на пол. Её прислужники, уже вернувшиеся к тому времени, подхватили прорицательницу и аккуратно уложили на ворох подушек, приготовленный загодя специально для прорицательницы. Мгновение в воздухе висела тишина, а потом она разорвалась громкими выкриками и хлопками в ладоши. Советники бурно выражали свой восторг, произнося хвастливые речи, угрожая врагу, стоявшему у нашего порога.

Было решено – выжидать в осаде и послать тотчас же птиц-гонцов в соседние города. Советники расходились в приподнятом настроении духа. Когда зал опустел, я подошла к Сибилле, всё ещё лежавшей на подушках:

– Благодарю за помощь.

Сибилла приоткрыла глаза, произнося едва слышным голосом:

– Боги говорят моими устами, повелительница.

Я отошла от неё с лёгким изумлением: она не играла роль. Только что она была не чем иным, как инструментом в руках высших сил. Боги, неужели мы выстоим?..

– Воздайте ей за труды, как полагается.

Слуга низко поклонился и дал знак двум рабам. Те опустили безвольное тело прорицательницы на золочёные носилки и поспешили прочь из зала. Рексено?ра уже и след простыл – помчался восполнять недостаток опьянения. Я вышла из зала во внутренний двор, зная, что там меня дожидается Кири?н так, как и ему было велено.

– Хорошая была попытка, – улыбнулся хозяин Клеток, низко кланяясь, – вы сделали всё, что могли.

– Я хочу подняться на стены.

– Разумно ли, госпожа? – подаёт голос А?грий.

– Мне нужно услышать мнение Кири?на.

Стражи ведут меня на городские стены. Всюду царит оживление, встречаются весёлые люди, будто город празднует некое событие.

– Весть о словах прорицательницы разнеслась далеко и быстро, – говорит Кири?н с лёгкой усмешкой, – народ уже празднует, хотя не была пущена ещё ни одна стрела…

– В твоих словах мне чудится недоверие к воле богов, Кири?н…

– Извините, моя госпожа. Не хотел показаться невежливым. Я всего лишь имел в виду, что боги капризны, словно молодая любовница, и часто отворачивают свой лик сразу же после того, как вознесли на небеса блаженства.

– Ты умён и наблюдателен. Кем ты был до того, как стал хозяином Клеток?

– До того я был рабом, таким же бойцом, как и те, что сейчас находятся под моим началом.

– А раньше?

– Иногда мне кажется, что не было ничего, только сон. Красивый и лживый, как мираж в пустыне.

Я собираюсь ответить ему, но замираю, поражённая увиденным зрелищем. Под стенами нашего города горят огни костров.

– Сколько их? – мой голос звучит сдавленно и напряжённо. Глаза вглядываются в даль, не видя конца огненным точкам, простирающимся до самого горизонта.

– Тысячи, десятки тысяч… Они всегда разжигают в десять раз больше костров. Пугают, чтобы произвести впечатление и ослабить противника.

– Что ж, им это хорошо удаётся, – с нервным смехом отвечаю я. Замечаю странное движение внизу и спрашиваю, – вон там странные тени…

Я прикладываю к глазам деревянную трубу с увеличивающим стеклом, наводя на странных людей. Их тела увешаны шкурами зверей, а на голове закреплены рогатые черепа. Через мгновение раздаётся странный звук, словно кто-то изо всех сил дует в огромную свистульку, засорившуюся настолько, что свист выходит хриплым и рваным.

– Это шаманы. Они молятся духам предков и просят ниспослать победу. Сейчас поют…

– Поют? – перебиваю я, – это пение? Даже предсмертные хрипы звучат приятнее, чем это.

– Да, – усмехается Кири?н, – у их шаманов с самого детства надрезают гортань и вставляют туда кость со специальными отверстиями. С того самого времени

будущий шаман не может говорить подобно обыкновенному человеку, но якобы начинает общаться с духами предков. Вот как раз сейчас поют те, кто только недавно стал шаманом. Когда раздастся пение главного шамана, вы поймёте… Звук будет впечатляющим…

И в подтверждение его слов слышится странное – то ли завывание ветра, то ли скрип ржавого колеса, то ли горестный вопль. От него бегут мурашки по коже и становится не по себе.

– Что ж, они делают всё, чтобы сломить наш дух.

– Вы хорошо держитесь, госпожа…

– Для женщины?

– Для правительницы. Как женщина, вы и без того прыгнули выше головы.

Я замечаю движение сбоку от себя. Серые, размытые тени машут крыльями и набирают высоту – это птичники выпустили посыльных соколов. Возмущённый клёкот и полёт прерывается. Одна из птиц, сражённая стрелой, стремительно падает на землю. За ней – вторая, третья… Скоро оказываются перебиты соколы, все до единого.

– Проклятье!.. Запускайте следующую партию!

– Чего у них не отнять, так это искусства стрельбы из лука и навыки езды на конях. Говорят, их с трёхлетнего возраста приучают и к тому, и к другому. Неважно, девочка или мальчик. Может, потому они такие косолапые? Но меткость – потрясающая. Они могут стрелять почти без промаха даже на полном скаку. Как только, умудряются прицелиться своими раскосыми глазами?

Резкий свист и колебание воздуха совсем близко… Первым успел среагировать Кири?н – именно его тяжёлые руки пригибают меня к земле. Он закрывает меня своим телом, а над нами сомкнулись щиты моих верных стражей. Близнецы среагировали молниеносно и сейчас передвигаются боком в надёжное укрытие. Только находясь в полностью закрытом помещении, близнецы выпускают меня и Кири?на. Один из щитов проткнут древком стрелы. А?грий выдёргивает стрелу.

– Не трогайте остриё, – предупреждает Кири?н, – чёрное оперение на стреле означает, что остриё пропитано ядом степных гадюк. Смерть была бы долгой и мучительной. Миркхи?йцы знают противоядие, но держат его в секрете.

– Вам нельзя появляться на стенах, – укоризненно произносит А?грий, – нужно соблюдать все меры предосторожности.

– Левая башня! Левая башня! Всем на стены! – слышится зычный голос караульного, – они ставят лестницы!..

Топот ног. Мимо ровным строем проносятся наши воины в остроконечных шлемах и с оружием в руках.

Началось…

Глава 4. Артемия

Тридцать дней и ночей. Ровно столько воины Веркса?ла раз за разом опрокидывали назад миркхи?йцев, что лезли на наши стены, словно муравьи. Это было самое настоящее нашествие. Едва наши бойцы опрокидывали одну волну, за ней следом шла вторая, за той – третья. И так без конца. Они хотели взять нас усталостью и измором. Бойцы постоянно сменяли друг друга. Но глядя на посеревшие лица охраняющих стены, я понимала, что рано или поздно миркхи?йцы вымотают нас.

Нам так и не удалось отправить то количество посыльных птиц, на которое мы рассчитывали. А с ответным посланием вернулось всего трое. У первого сокола к лапке был привязан почерневший от копоти кусок человеческой челюсти.

– Ме?мос разграблен, – растолковал этот знак Приа?м, – миркхи?йцы засели в нём и дают нам понять, что нас постигнет та же участь.

Второй сокол принёс послание от Зино?на. Витиеватый почерк, изящный наклон букв, завуалированный отказ…

Третий сокол едва смог долететь с перебитым крылом и стрелой, пронзившей грудную клетку сбоку. На подмогу к нам спешили только воины из Неоптоле?ма, расположенного дальше всех.

– Пока мы можем рассчитывать только на себя, верно?

– Да, моя госпожа.

– В целом, какое положение дел у нас?

– Стены Веркса?ла стоят и будут стоять, – уверенно заявил Приа?м, – припасов еды хватает. Подземные источники обеспечивают нас питьевой водой. Мы продержимся.

Мне бы его уверенность. Несмотря ни на что, тревога била крыльями меня по лицу. Откуда только произрастал её источник? Ответ я получила тем же вечером…

Я находилась на стене, как вдруг послышался оглушительный грохот, под ногами закачалась земля, и мелко затряслась каменная кладка стен.

– Что это было, Приа?м?

И глядя на его внезапно побледневшее лицо, мне стало ясно, что ответ мне не понравится.

– Огненная пыль, – потрясенно произнёс старый вояка.

– Что?

– Огненная пыль. Она способна заставить распадаться пылью даже гранит, кроша его, словно краюху хлеба… Я только единожды видел, как это выглядело…

Приа?м, расталкивая зазевавшихся воинов, помчался в том направлении, откуда доносился грохот. Я поспешила вслед за ним, прикрываемая со всех сторон стражами и щитами. Над южной стеной взметнулось вверх яркое пламя.

– Стена! Они проломили стену!

Крик, вой, паника, мельтешение тел.

– Как? Как это могло произойти?

Приа?м стоял неподалёку от меня, отдавая приказ нескольким отрядам отправиться к пролому, чтобы заложить его.

– Они хлынут туда всей своей массой, словно штормовая волна, – пояснил он мне в промежутке между отдаваемыми приказами.

– Какую часть стен они смогли разрушить?

– По словам воинов, они разрушили часть сточного канала. Сейчас туда переброшена всего небольшая часть косоглазых, но это ненадолго…

– Сточный канал? Его укрепляли в начале этого го…

Договорить я не успела. Раздался протяжный вой металлических труб, который не спутать ни с чем. От этого громкого пронзительного воя кровь начинала стыть в жилах. Презрев все меры предосторожности, я кинулась к окошку бойницы, выглядывая в него. Снизу ровным строем шагали воины… Но не простые.

– Бессмертные… – изумлённый шёпот кого-то из воинов.

– Бессмертные… – чуть громче.

– БЕССМЕРТНЫЕ! У них БЕССМЕРТНЫЕ!

Полный ужаса крик разнёсся далеко по стенам и начал множиться, подхватываемый то здесь, то там. Я смотрела вниз, не отрываясь, и не могла поверить собственным глазам. Ровные ряды бронзовых тел, лишь местами скрытых доспехами. Двуликие маски, чьи глазницы смотрели вперёд и назад. Чёткий, ровный неспешный шаг. И оттого их наступление казалось ещё

неотвратимее и ужаснее. Почти дойдя до стен, они замерли на месте без движения. Из ряда воинов отделился один, шагнул вперёд и, стукнув себя в грудь кулаком, произнёс пару слов, повторённых несколькими сотнями глоток. «Оммир бахкас».

Ценою жизни. Два слова – клятва, произносимая наёмниками перед тем, кому они служили. Во что бы то ни стало они будут пытаться выполнить приказанное. Невзирая ни на какие обстоятельства или трудности, встречающиеся на пути.

Мои глаза пытались сосчитать точное количество воинов, но я сбивалась со счёта и могла лишь смотреть, смотреть, смотреть вниз… А вокруг беснуется паника и дикий животный ужас накрывает плотным покрывало воинов Веркса?ла. Потому что один «бессмертный» стоит двух десятков обычных воинов. А их под нашими стенами – несколько сотен…

– Стоять! Всем стоять! Трусливая падаль!.. – Приа?м орёт во всю глотку и показывает на меня рукой, – даже женщина молчит перед лицом врага, а вы визжите, словно кабаны, которым режут яйца!.. Каждого, кто пискнет ещё раз или попытается удрать от страха, я прикажу сбросить со стены! Всем занять свои позиции!..

Большинство воинов замирает, немного приходя в себя от бешеного ора командующего армией, но кто-то из воинов бежит прочь, бросив оружие. Приа?м, с завидной для его возраста прытью, в два счёта настигает беглеца. И следующим движением доказывает всем присутствующим, что его слова – не пустая угроза и не бахвальство. Он хватает за шиворот беглеца и, подняв его высоко над головой, швыряет через стену, вниз.

– Уведите правительницу! – велит Приа?м моим стражам. А?грий и А?зий, подхватив меня под локти, стремительно бегут во внутренний двор, пересекают его и несутся во дворец. В знакомой обстановке страх понемногу начинает отступать, уступая место холодному голосу разума.

Дышать. Медленно и глубоко, приказываю я себе, расхаживая по мраморному полу зала.

– Приведите мне главного строителя! Немедленно, – приказываю я слуге, застывшему в раболепном поклоне передо мной.

Через несколько минут появляется Фео?ксий – низенький мужчина средних лет со свитками пергамента, зажатыми в руках.

– Долгих лет жизни, моя госпожа и…

– Не стоит тратить попусту моё время, рассыпаясь в лживых пожеланиях!

– Они исходят из глубины души, моя госпожа.

– Утверждаешь, что все они правдивы? Так же как сведения о том, что сточный канал восстановили и укрепили ещё в начале этого года?

Фео?ксий побледнел, но промолчал.

– Знаешь ли ты, что этот канал с лёгкостью разрушили миркхи?йцы? И совсем скоро они вырежут всё мирное население подчистую? А всё потому что нерадивый строитель не восстановил канал, но отчитался как полагается. Какое наказание подойдёт для подобного слуги? Может быть, являющееся традиционным у миркхи?йцев? Привязать твои конечности к четырём коням и стегнуть их, заставив скакать в разные стороны?

Строитель выронил все свои пергаменты и распластался ниц, ползя на брюхе к моим ногам, пытаясь обхватить ступню пальцами:

– Пощадите, госпожа!.. На то была не моя воля, но приказ. Я не могу ослушаться! Прошу вас о милости!.. Разве я мог пойти против воли правителя?

– Рексено?р?

Злость вскипела во мне за пару мгновений. В начале года Рексено?р всё ещё участвовал в управлении жизнью города. И да, именно он контролировал весь процесс. Чуть позднее мне продемонстрировали обновлённые стены канала. Разумеется, издалека. Не пристало правительнице самой совать нос в зловонные места.

– Да, моя госпожа. Он отдал мне приказ перенаправить средства на другой объект, а канал восстанавливать на то, что останется. Я выудил всё, что мог с остатков денег… И постарался укрепить канал, как мог.

– Куда ты направил выделенные средства?

– На восстановление одного из домов Тысячи удовольствий, – притихшим голосом сообщил Фео?ксий.

– Дом Тысячи удовольствий?

– Да, моя госпожа. Тот, что на боковой улице недалеко от сада Роз…

Мне плевать. Я не знаю наперечёт все дома Тысячи удовольствий. Важно то, что из-за очередной прихоти моего супруга весь город сейчас катится в гибельную пропасть.

– Поди прочь! Выдайте ему оружие и отправьте на стены, пусть смоет позор кровью…

Фео?ксий, пятясь и бормоча слова благодарности, покидает зал.

– Где Рексено?р? – спрашиваю я у мальчишки-посыльного, всегда крутящегося в коридорах замка.

– Он в зале видений, – с глубоким поклоном отвечает тот.

Ясно. Опять обкуривается тайсой. Я быстрым шагом направляюсь к себе, призывая Шен-Ри?, потягивающуюся после сна. Гибкое чёрное тело сильного зверя послушно трусит ко мне и ластится, как огромная кошка. Пантера шутливо обхватывает кисть руки, сдавливая её между зубами. От зубов на коже остаётся побелевший след. Шен-Ри разевает пасть в зевке. Клыки Шен-Ри внушающих размеров.

– За мной.

Чёрная тень неслышно крадётся за мной по пятам.

– Оставьте меня, – обращаюсь к своим стражам.

Близнецы не отступают, всем своим видом показывая, что не покинут меня ни на шаг. Что ж, пусть будет так. Я торопливо иду длинными коридорами в зал видений. Двери не поддаются, они заперты изнутри.

– Ломайте дверь!

Сейчас я даже рада, что близнецы рядом со мной. Несколькими ударами клинков они разносят место крепления засова в щепки. Бревно падает с той стороны на пол с гулким стуком. Внутри зала видений царит полутьма и клубится сизый та?йсы. Сладковатый, удушливый запах щекочет ноздри и стремится забраться внутрь. Я срываю шторы и распахиваю настежь окна, чтобы хотя бы немного проветрить просторное помещение. Рексено?р, плавающий в мареве видений, полулежит на горе подушек рядом с курильней. Он раскрывает глаза, только когда мои шаги замирают подле него.

– Вставай.

– Не могу, – губы расплываются в улыбке, – лучше присядь со мной и поговори, как раньше, Артемия…

– У меня нет на это времени. Скажи, ты занимался восстановлением канала? Какова оказалась цена?

– Цена?.. Сколько я потратил на это?..

– Да, сколько? Сколько ты потратил на восстановление дома Тысячи удовольствий вместо того, чтобы заниматься тем, чем должен заниматься правитель города? Неужели тебе было мало имеющихся борделей? Или задницы рабов в восстановленном доме были присыпаны позолотой?!

Я в гневе пинаю бронзовую курильню. Она падает, рассыпая горящие угольки из нижней части на покрывало. Рексено?р медленно переводит взгляд на тлеющее покрывало и заливает его вином.

– Сколько, Рексено?р?

– Несколько тысяч золотых мер, – медленно произносит он, глядя на меня покрасневшими глазами, не понимая, зачем мне это надо.

– Ошибаешься! Не несколько тысяч золотых мер. Миркхи?йцы разгромили при помощи огненной пыли каменную кладку канала, который не был укреплен как следует. И сейчас они прорываются внутрь наших укреплений. С ними – несколько сотен Бессмертных. Веркса?л окажется вырезан подчистую… Цена твоего удовольствия оказалась намного выше. Она будет стоить жизни населению целого города!

– Не может этого быть!..

Рексено?р опирается на руки, пытаясь встать.

– Пора охотиться, Шен-Ри?, – ласково треплю я пантеру по холке и хлопаю по крупу.

В следующий миг гибкое чёрное тело удлиняется в грациозном прыжке. Пантера разевает пасть и её клыки с громким рыком смыкаются на шее Рексено?ра, правителя Веркса?ла. Кровь заливает дорогие ткани под крик ужаса Рексено?ра, быстро затихающий. Я разворачиваюсь лицом к близнецам.

– Правитель имел дурную привычку дразнить голодного зверя. Сегодня его привычка привела к губительным последствиям. Несчастный случай.

Пантера, рыкнув в последний раз, устремляется за мной, облизывая с морды кровь шершавым языком.

Глава 5. Артемия

Время ускорило свой стремительный бег. Казалось, только недавно мы узнали о том, что был разрушен сточный канал – то было вечером. А сейчас уже настал рассвет нового дня. Ночь пронеслась в одно мгновение ока. В зале Совета шумно и чадно. Десятки глоток пытаются переорать друг друга, выдвигая один план

безумнее другого. Приа?м нервно ходит рядом с троном. Он то и дело отлучается, чтобы отдать приказания.

– Это бессмысленно, моя госпожа. Мы зря тратим своё время. Мы должны спасти то, что ещё можно спасти. Но не рассуждать, как выгоднее договориться с врагом. Все их клятвы и договоры – лживы. Они улыбнутся вам в лицо, когда будут перерезать глотку. Я не могу дольше здесь оставаться. Мне нужно руководить моими людьми. Они и без того пасуют перед лицом опасности.

– Ты прав, Приа?м, но мы должны были созвать Совет, чтобы сделать всё так, как того велят наши Законы. Чтобы в случае неудачи никто не мог попрекнуть нас. Мы не сделали всё, что могли.

Старый вояка согласно кивает, а я велю слуге взять в руки молот и ударить несколько раз в огромный металлический гонг для привлечения внимания. Громкий звон раздаётся над толпой и голоса затихают.

– Мудрейшие! – обращаюсь я к Советникам, – к сожалению, у меня нет времени наслаждаться вашими красивыми речами. Сейчас настала пора действовать как можно быстрее и решительнее. И поскольку за время, выделенное для обсуждения вопроса, вы не пришли к единому мнению, я снимаю с вас полномочия решать вопросы, связанные с безопасностью нашего города.

– Возмутительно!

– Не имеете никакого права…

Ещё один удар в гонг.

– По закону военного времени я имею на то право, – спокойно возражаю я.

– Только правитель города может выносить такое решение.

– Правитель города до умопомрачения обкурился тайсы и по своей дурной привычке дразнил пантеру. зверь перегрыз ему глотку. Когда мы вернулись во дворец, его тело уже остывало…

– Это преступление… Где была в это время сама правительница?

– Я в то время была на стенах, оценивая масштаб разрушения, приносимый городу от кочевников. Рексено?р по уже сложившейся привычке предпочитал находиться один. А где были вы, все остальные? Сидели, зарывшись носом в бумаги? Или сладко спали среди горы подушек? И поскольку Рексенор мёртв, а вы, мудрейшие, не можете договориться, я считаю нужным поступить именно так. Отныне только я принимаю решения, связанные с судьбой города. Ваши советы хороши, когда речь касается выгоды или обычных житейских тяжб. Но сейчас я буду прислушиваться только к лицам, сведущим в военном искусстве. Можете покинуть Зал Совета.

Поднялся невообразимый гвалт, быстро прекратившийся, едва строем по двое в зал вошли воины из моей личной охраны. Несколько мгновений – и следом за ними в зал скользнули силуэты в сером, «крадущиеся», вставая позади кресел Советников. По закону я не имела права поступать так, как только что сказала. Если Правитель мёртв – именно Совет должен принимать решения, но позволить им тянуть время, ничего не делая, я не могла.

А сейчас – открытая конфронтация. И присутствие большого числа воинов из моей охраны только подтверждает это. Советники нехотя поднялись с роскошных кресел и поторопились на выход. Зал быстро опустел, в нём остались лишь мои приближённые слуги, Приа?м и ещё несколько командующих отделениями армии. К трону приблизился Ку?фий, один из старейших Советников.

– Госпожа, я никак не причастен к военному делу. Я всего лишь старик, разбирающий тяжбы. Но видел на своём веку немало осаждённых городов. Когда миркхи?йцы прорвутся вслед за «бессмертными»… Да, именно «когда», а не «если». Миркхи?йцы вырежут ту часть населения, что не смогут увести в плен. Они не пощадят никого. Так что нужно вывести из города мирное население. Пока ещё есть такая возможность…

– Именно об этом я и собирался поговорить с правительницей, – улыбнулся Приа?м. Ку?фий согласно кивнул.

– Старики, женщины, дети…

– Да, моя госпожа, но нужно уточнить, о каких детях идёт речь. Для каждого родителя отпрыск остаётся ребёнком, невзирая на возраст. Подростки-мальчишки, юноши, ещё не бреющие бороды – все они дети… Каков порог для того, чтобы выпустить их через секретный проход, дав шанс на спасение?

– Я начал держать меч в руках с одиннадцати лет, – заявил Приа?м.

– О, мой старый друг, ты относишься к семье воинов. Я же впервые коснулся оружия лет в тринадцать…

– Хорошо, – сказала я, – тогда мальчишки до тринадцати лет смогут покинуть пределы города.

– Верное решение. И ещё… В тяжёлые времена не стоит полагаться на честность просителей. Я не единожды наблюдал, как некоторые мужчины проявляли малодушие и не стыдились лезть вперёд тех, кто их слабее. Если мы объявим о том, что будем выводить население, некоторые не погнушаются тем, переодеванием в женское платье.

– Ку?фий прав. Я считаю нужным выделить отряд воинов, чтобы они следили за порядком и осаждали наглецов. Диса?н, Меге?й, – обратился Приа?м к двум стоявшим поодаль командирам, – вам и вашим людям я поручаю следить за порядком. И не забывайте как следует присматриваться, женщина перед вами или мужчина.

– Самый надёжный способ – нырнуть под юбку, – ухмыльнулся Меге?й, – могу поспорить, что начиная с сегодняшнего дня я задеру юбки бо?льшему количеству женщин, чем кто бы то ни было.

Он бравировал. Это было заметно по тому, какими серьёзными оставались его глаза, несмотря на широкую улыбку, прячущуюся в бороде. Юмор обречённого насмерть. Именно этим двоим и их людям предстоит стать последней преградой между кочевниками и слабой частью населения.

– Можете идти. Размещайте своих людей. Выводить людей всех разом не станем. Делите их подобно тому, как войско делится на отряды. Проводник будет ждать вас у пещеры.

Одна часть нашего города примыкала к гористой местности. В южной части города имелось немало лазов и пещер, в которых легко было заплутать до конца своих дней. О секретном проходе было осведомлено не так много людей.

– Как сейчас обстоят дела, Приа?м?

– Посыльный доложил мне, что «бессмертные» уже оттеснили горы трупов за первые городские ворота.

– Так быстро! – вырвалось у меня.

– Я бросаю на защиту самых лучших людей. Но с таким количеством «бессмертных» нам не справиться. Мы будем стоять до последнего, но нужно понимать, что это – не стояние на месте, а медленное и верное отступление.

– Нужно освободить Клетки. Они как раз прилегают к территории, близкой к сточному каналу, – высказалась я.

– Исключено, – подал голос один из командиров, – на верность рабов рассчитывать не стоит. Вполне возможно, что всё пойдёт наоборот. Вы не задержите врага, а ускорите его наступление.

– Если мы оставим их в клетках, мы точно упустим шанс. А так мы даруем рабам свободу.

– Свободу умереть? – иронично усмехнулся мужчина, – и эти разномастные безбожники охотно последуют вашему приказу?

– Я не могу согласиться с вами, госпожа, – произнёс с сожалением Приа?м, – не единожды рабы восставали против своих хозяев. Большинство из них будут рады представившейся возможности поквитаться за всё.

– Хорошо, – киваю я, делая вид, что согласна. А сама думаю поступить с точностью до наоборот.

***

Город понемногу охватывает паника. Из окон своих покоев я могу наблюдать, как наводняются улицы толпами желающих спасти свои шкуры. Диса?ну с Меге?ем придётся несладко. Сдерживать напор такой беснующейся толпы будет очень непросто.

– Вам тоже нужно покинуть город, – подаёт голос Приа?м.

– Я не заметила, как ты вошёл, даже Шен-ри? не среагировала… – с укоризной произношу я пантере, которая лежит на постели и лениво обмахивается хвостом.

Обычно я не позволяю ей забираться на свою постель, она всегда спит у подножия кровати. Но сегодня я решаю побаловать свою любимицу.

– Вам пора собираться, – повторяет Приа?м, – вы должны покинуть город, спрятаться среди остального народа и добраться до дружественных городов.

– До каких? До тех, что сожжены или отказались протянуть руку помощи? К нам направились только воины из Неоптоле?ма.

– Это ваш долг, как правительницы. Вы должны вести свой народ, не оставляя его в трудную минуту.

– Мы будем скитаться, словно кочевники. Даже если я отправлюсь с ними, у меня не будет столь сильной поддержки, как здесь и сейчас. Я держусь на плаву и моё слово имеет вес только благодаря верным друзьям моего отца, поддерживающим меня. Там же у меня не будет практически никого. И мой народ первым продаст меня как можно выгоднее. Тебе ли не знать об этом? Вспомни уроки прошлого…

– И что вы собираетесь делать?

– Останусь здесь до последнего. Что касается мирного населения, в числе них отправятся и несколько знатных семей, одна из которых состоит в близком родстве с моим родом. Мальчишке из их числа и суждено будет вести народ в ближайшем будущем.

Приа?м кивнул:

– На самом деле иного от дочери Ликоме?да я и не ожидал.

Приа?м встал рядом со мной, глядя из окна на улицы города.

– Сражение становится всё ближе. Как только с улиц схлынет часть людей, я прикажу отступать за вторые городские ворота. Мы уже едва удерживаем первые…

– Веркса?л станет единственным городом, павшим из-за пристрастия правителя к задницам смазливых рабов, – усмехнулась я.

– История пишется выжившими. Кто знает, по какой причине пали города, прошлым которых мы восхищаемся? Вполне возможно, что о Веркса?ле будут говорить как о городе, павшем по причине коварства или предательства… Возможно, кто-то споёт о прекрасной дочери Ликоме?да, до последнего остающейся в осаждённом городе.

– Кто-то, но не мы. Можешь идти, Приа?м, я присоединюсь к тебе чуть позднее. Сейчас я хотела бы побыть одна немного и завершить не оконченные дела.

– Хорошо, моя госпожа.

Лёгкий поклон и он оставляет меня наедине с Шен-Ри?, смотрящей на меня ярко-жёлтыми глазами.

– Скоро мы пойдём охотиться, Шен-Ри?.

Пантера привстала и потянулась телом, грациозно выгибаясь. Сильный, умный зверь… Я подхожу к стене и дёргаю в колокольчик, призывая слуг. Они поспешно появляются на пороге, опасливо поглядывая в сторону пантеры.

– Приготовьте доспехи и снаряжение для пантеры. Немедля.

Слуги засуетились, забегали по комнатам, раскладывая передо мной комплект доспехов.

– Нет, не эти. Мне ни к чему лёгкие тренировочные латы. Несите полный комплект.

Торопливый топот ног – и желаемое приносят. Я расстёгиваю застёжку на плече, позволяя лёгкой белой тунике скользнуть по телу вниз, к ногам, и надеваю нижний комплект тренировочной одежды – просторные, удобные штаны и рубаху. Вокруг снуют слуги, оправляя, застёгивая одежду.

– Приведите Ни?рсу, пусть она уберёт мне волосы.

Девочка-прислужница появляется так мгновенно, словно только того и ждала.

– Заплети мне волосы так, чтобы ни одна волосинка не выбилась из причёски против моей воли и не мешала мне.

Девочка встаёт на низенький стул и начинает ловко орудовать маленькими пальчиками. Остальные слуги проверяют надёжность крепления лат и начищают их поверхность до блеска перед тем, как надеть их на меня.

– Я отправляюсь вместе с госпожой?

– Нет, Ни?рса. Там, куда я отправляюсь, нет места для маленьких девочек вроде тебя.

– Разве я плохо прислуживала?

– Нет, ты справлялась отлично, лучше прочих. Но теперь нам пора расстаться. А тебе я приказываю отправляться вместе со всеми. Совсем скоро за вами придут и поведут тропами, известными немногим. Ты должна будешь вести себя достойно и не бояться. Поняла меня?

– Мы больше не увидимся? – в голосе девочки задрожали слёзы.

– Разумеется, увидимся, Ни?рса.

Я глажу её по щеке, глядя в глаза. И в моих словах нет ни капли лжи. Мы все увидимся. Когда-нибудь. Как видятся души всех умерших в загробном царстве.

Глава 6. Артемия

Доспехи ложатся на плечи приятной тяжестью. Привычные движения рук и тела сразу становятся чуть иными. Я достала небольшой лёгкий меч из ножен и сделала парочку выпадов под пристальными взглядами близнецов.

– Не стоит смотреть на меня так укоризненно. Я не тренировалась уже давным-давно…

– Это не дело рук правительницы Веркса?ла.

– А?зий, сейчас не время размышлять, чем пристало или не пристало заниматься правительнице. Реальность говорит об обратном. Лучше скажи, смогу ли я распороть брюхо хотя бы одному косоглазому.

– Разумеется, – уверенно заявляет стражник.

– Иди ко мне, Шен-Ри?, твой черёд.

Пантера бьёт хвостом себя по бокам и не торопится идти ко мне. Ей не нравится перспектива быть закованной в броню, пусть даже лёгкую. Она не любит доспехи, сковывающие движения, но оставлять её без защиты я не желаю.

– Иди ко мне. Или я отправлюсь на охоту без тебя!..

Пантера подчиняется, но всё же играючи кусает меня за руки, когда я закрепляю на ней доспехи. Кроме меня к ней никто не осмелится подойти и притронуться. Я проверяю все крепления и заставляю Шен-Ри? немного подвигаться по комнате. Кажется, всё закреплено прочно и не слишком стесняет движения.

– Кони готовы?

– Готовы.

– Тогда прогуляемся. Мне нужно проведать хозяина Клеток.

– Этот район расположен близко к…

– Я знаю, именно поэтому мне туда и нужно! – обрываю я А?грия и выхожу стремительным шагом. Пантера трусит за мной следом. Возле выхода слуга держит под уздцы вороного жеребца. Я взбираюсь на его круп и бью пяткой в бок коня. Справа и слева от меня располагаются неизменные близнецы.

– Останьтесь здесь, – развернув жеребца на скаку, велела я остальной охране, – сейчас вы мне ни к чему. Это приказ!

Жеребец, громко заржав, рванул вперёд, за ним чёрной тенью над землёй скользила пантера, растягивая тело в огромных прыжках. До Клеток мы добрались очень быстро. Улицы этой части города уже были пусты. Только изредка встречались запоздавшие жильцы, бегущие прочь со всех ног. Немудрено. Отсюда был хорошо слышен шум битвы, устрашающий вой рогов «бессмертных» и грохот боевых барабанов миркхи?йцев. Кири?н, хозяин Клеток сидел на пороге учётного дома и точил лезвие огромного топора.

– Прекрасные доспехи и оружие, – одобрительно кивнул Кири?н, мельком глянув на меня, – но нужны ли они красивой женщине?

– Ты же знаешь, что нас всех учат держать оружие в руках.

– Но то лишь дань обычаю.

– Увы, по воле злого рока мне пришлось взвалить на свои плечи мужские заботы.

– Плохие времена, если женщина вместо того, чтобы нянчить детей, берётся за оружие и пытается спасти город. Всем благородным мужам Веркса?ла должно быть стыдно в этот момент.

Он пробует пальцем остриё топора и улыбается самому себе.

– Это будет славный бой, моя госпожа. А вам лучше убраться отсюда. И поскорее…

– Ты станешь сражаться один?

– Мне не разрешили взять ни одного бойца. Пригрозили обесчестить моё имя в вехах летописей, что ведут при дворе правителя. Ваши Советники слишком сильно боятся того, что рабы примкнут к захватчикам.

– Не всё ли равно тебе перед лицом смерти?

– Нет, не всё равно. Всё, что у меня есть – это слава одного из лучших бойцов и преданного слуги Верса?ла. Отнимите у меня ещё и имя – у меня ничего не останется…

– Что скажешь насчёт своих бойцов? Ты уверен в них?

– Как в своих пяти пальцах, – не задумываясь, отвечает Кири?н.

– А если один из них окажется…

– Безнадёжно болен? – подхватывает Кири?н, – я отрублю его немедля.

– Хорошо. Тогда я разрешаю тебе открыть все Клетки и обещаю, что имя твоё не будет опорочено, но будет воздано должное твоей храбрости и мастерству.

Кири?н поднимается и подбрасывает высоко в воздух топор так, словно он ничего не весит, и ловит его прежде, чем тот вонзится в землю. Он быстрым шагом направляется к приземистому зданию, в котором содержатся его бойцы. Через несколько минут они с оружием в руках, один за другим, заполняют площадку перед главным зданием. Лица суровы и сосредоточены, поворачиваются на шум битвы и прислушиваются. На некоторых из них легко читается азарт битвы. Это единственное их ремесло и занятие, они живут, только когда сражаются.

– Вам лучше уехать, – обращается Кири?н ко мне, – скоро здесь будет жарко…

Со стороны бойцов слышится одобрительный гул голосов.

– Вас всех запомнят, – говорю я и голоса смолкают. Взгляды сотен пар глаз обращаются на меня, – ваши имена будут высечены в камне на века, как величайших сынов и героев Веркса?ла.

– И главное, – подхватывает Кири?н, – мы все умрём свободными!

Его слова тонут в оглушительном восторженном рёве. Я прикладываю руку к сердцу и склоняю голову в знак величайшей признательности и разворачиваю коня прочь. Они умрут все до единого. Когда первые городские стены будут окончательно сломлены, враг, хлынувший со стороны канала, пройдёт именно здесь. И только от бойцов зависит, сколько времени они выиграют для нас у «бессмертных».

***

То было несколько дней назад, после все дни слились в одну нескончаемую му?ку, без разделения на день и ночь. Нас по-прежнему быстро теснили, загоняя вглубь Веркса?ла… Кольцо сжималось всё сильнее. А сейчас и вовсе мы сидели в Зале Совета, единственном клочке города, не занятом врагом. Радовало лишь то, что мы успели вывести секретными ходами бо?льшую часть мирного населения. Если они будут благоразумны и им улыбнётся судьба, они выждут некоторое время в горах, а после отправятся на поиски нового дома.

У моих ног тяжело дышала Шен-Ри? – за последние сутки мы не выпили ни капли воды. Вокруг стояли те стражи, кто ещё уцелел в неравном бою с тысячами кочевников. Как только «бессмертные» сломили оборону бойцов Клеток, за ними хлынули кочевники. Низкорослые, кривоногие, быстрые… Они быстро подчищали улицы и дома от излишеств – оставшегося населения и имущества. Они продвигались всё дальше, пока не загнали нас сюда. Приа?м с перевязанной головой находился на полу по левую руку от меня и что-то бессвязно бормотал себе под нос. Нам всем, оставшимся в живых, перепало. Вопреки ожиданиям, мой клинок отведал чужой крови не единожды. А золоченные доспехи я очень быстро сменила на обыкновенные, ничем не отличающиеся от доспехов прочих воинов. Ни к чему привлекать к себе ещё больше внимания. Хотя мало кого

можно было обмануть моей тонкой фигурой и золотой косой, выбивающейся из-под шлема.

Высоченные двери дрожали под натиском тарана миркхи?йцев. Была слышна их гортанная и резкая речь. Удар, удар, треск дерева… И в зал врываются миркхи?йцы, верхом на конях. С гиканьем и свистом они заполоняют пространство и направляют бег своих коней вокруг нас. И с каждым новым кругом мы лишаемся одного или двух людей. Их слишком много. Наши силы тают, как снег по весне. И вскоре не остаётся никого, кроме пантеры, кидающейся на конных всадников и двух близнецов, стоящих по обе стороны от меня. Резкий свист и вдруг на моей шее затягивается петля. Рывок – и верёвка сдавливает шею так, что сознание ныряет в чёрный колодец.

Глава 7. Артемия

Город опустел, в нём не осталось ни единой живой души. Только рыскали помойные псы, обгладывая трупы, и кружили в воздухе чёрными стаями падальщики. Глядя издали на стены Веркса?ла, я понимала, что прорицательница оказалась права – нерушимые стены Веркса?ла простоят ещё не одно десятилетие. Высокие, толстые стены, за которыми нет никого, кроме неуспокоенных душ умерших. Потому что кочевники не собирались ни хоронить, ни даже сжигать трупы. Спаслась ли Сиби?лла в числе прочих горожан?.. В гудевшей голове теснились сотни, тысячи мыслей. Страха не было. Пока не было. Он придёт позднее, когда с головы сдёрнут плотный чёрный мешок и пнут ногой в спину, вынуждая упасть на колени.

Косоглазые миркхи?йцы не стали занимать роскошных дворцов Веркса?ла, как я того ожидала. Они пронеслись смертоносным вихрем по городу, грабя его, и вернулись в свои закопчённые, войлочные кибитки, тысячами ютившиеся под стенами города. Дикари…

Яркий свет ударил в глаза. После чёрного вонючего мешка на голове даже свет масляной плошки казался ослепительно ярким. Я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Миркхи?йцы связывали своих пленников по-особенному: усаживали на колени и перевязывали ступни, заводили руки за спину и стягивали общей верёвкой. Поневоле тело всё время было в напряжении, навытяжку. И очень

быстро затекали конечности.

– Это все?

– Все, кто засел в центральной части…

– Эмир будет недоволен. Он хотел захватить живыми как можно больше правящей верхушки… А это что? Шлюха какого-то богатея, старик, пара охранников… Где правитель? Где советники?

– Мои люди сделали всё, что могли, Галзан-бай. Мы старались взять живыми как можно больше. Но они сражались, будто в них вселился злобный дух.

– Да будет так, славная битва. Наш улус отличился среди прочих… И именно с нас эмир спросит больше, чем со всех остальных шести улусов, вместе взятых.

Тяжёлые шаги остановились позади меня.

– Эмир обещал своим воинам пополнить количество жён и рабынь, Отхон! И где они? Как десяткам тысяч воинов разделить поровну пару тысяч дырок? Да после того, как вот эта шлюха пройдёт по рукам моих «твердолобых» от неё ничего не останется! Вставай, падаль… Пусть развлекутся хотя бы мои приближённые стражники…

Чья-то рука схватила меня за шиворот и встряхнула. Рядом дёрнулся один из близнецов, натягивая верёвки. Сейчас даже я не смогла бы отличить одного от другого – так окровавлены и слабы были оба.

– Галзан-бай, это не просто чья-то шлюха, это жена правителя. Эмир Симбир будет недоволен, если её поимеют раньше…

Меня резко отпустили на землю. Послышался резкий щелчок и лёгкий вскрик боли того, кого величали Отхон.

– Не перечь мне, сучий потрох… Шлюха – есть шлюха, без разницы, какое место она занимает. И если я захочу, то швырну её своим людям прямо сейчас.

Но вопреки своим угрозам, Галзан-бай оставался на месте, сотрясая воздух пустым бахвальством и, топая тяжёлыми шагами по войлочному полу кибитки. Он обошёл нас, связанных, кругом и остановился напротив. Коренастый, низкорослый и широкоплечий, как все миркхи?йцы. Для меня они все были на одно лицо. Но этого бы отличила даже среди тысяч. Огромная лысая голова и необычайно светлый для миркхи?йцев цвет лица выделяли его среди прочих. И глаза – не карие, как у всех, а светло-серые, водянистые.

– Говорят, что ты – главная белая шлюха Веркса?ла, – обратился он ко мне на моём родном языке, подняв рукоятью кнута моё лицо за подбородок.

– Говорят, что ты сам рождён от белой шлюхи и косоглазого выродка. Может быть, потому ты так зол? – ответила я ему на миркхи?йском.

Светлое лицо покраснело от злости, глаза сузились ещё больше, превратившись в чёрточки над пухлыми щеками.

– Скоро твоему длинному языку найдут другое применение.

Галзан-бай занёс было рукоять кнута для удара, но передумал, выругавшись, и вышел из кибитки.

– Отхон, раздели их… Ведьму – отдельно ото всех. И выставь охрану побольше! Троих недостаточно. Говорят, что Верксали?йские ведьмы могут оборачиваться змеями и проскальзывать даже через узкие щели.

– Будет сделано, Галзан-бай.

– И ещё. У тебя есть этот, Меченный… Которого волки располосовали, но не сожрали, в отличие от всех.

– Чомпот?

– Тебе лучше знать, как его зовут. Пусть сидит внутри и не спускает с ведьмы глаз.

– Хорошо.

Через мгновение несколько миркхи?йцев распутали ноги и увели моих стражей и Приа?ма. Приа?м был совсем плох, едва передвигал ногам под сильные тычки дикарей. Откинув полог, внутрь скользнула юркая тень, остановилась сбоку от меня, сверля раскосыми глазами. Я повернула голову – совсем мальчишка, тонкий, как стебель травы. Лицо смуглое, но местами странные белёсые полосы. Ах да, его Галзан-бай назвал меченным.

– Мне велено смотреть за тобой, пока эмир Симбир выслушивает доклад своих советников.

– Мальчишка. Лучший, кого они могли поставить на охрану – это мальчишка? Наверняка вы невысокого мнения о Веркса?ле.

Я сказала это просто так, не надеясь на ответ, для того чтобы отогнать страх, начинающий противно скрестись изнутри. Но мальчишка важно ответил:

– Не беспокойся, Алтана?, снаружи выставили лучших воинов в два ряда. Одни стоят лицом к кибитке, не отрывая глаз от полога, как велел Галзан-бай. Чтобы ты не смогла превратиться в змею и ускользнуть. А второй круг воинов стоит спиной к первым. Они наблюдают за всеми остальными…

Я усмехнулась – первый день в плену, но уже все кому не лень лепят прозвища. Алтана? – золотая в переводе с миркхи?йского.

– Если так много воинов снаружи, зачем ты здесь, волчонок?

Мальчишка обошёл меня кругом и уселся напротив, подложив под себя ноги.

– Меня не просто так называют Чомпот. Когда дикие волки голодной зимой напали на аул, они успели разорвать живьём нескольких человек. Но меня только пометили когтями своих лап и сразу же убрались прочь. Теперь родичи считают, что я храним предками и способен отпугнуть злых духов.

– Это они так считают. Но на самом деле?

Мальчишка замялся. А я рассмеялась.

– Если хочешь и дальше занимать особое положение, научись управлять эмоциями, когда тебе задают каверзные вопросы. Даже мне, не спавшей более двух суток, ясно видно, что сам ты не считаешь себя кем-то особенным.

– Правда, что ты можешь обернуться змеёй и проскользнуть сквозь маленькую щель?

– Если бы я на самом деле так умела, стала бы дожидаться момента, когда в кибитке появится столь грозный охранник, способный сдерживать колдовство?

Щёки мальчишки побледнели – насмешку он понял сразу же. Надо же, какой смышлёный маленький дикарь!

– И всё-таки они считают тебя ведьмой, Алтана?. Говорят, при тебе был огромный чёрный зверь, ручной, похожий на кошку. Разве обыкновенные люди могут справиться со злобными духами?

Я усмехнулась – миркхи?йцы считали кошек нечистыми, а уж огромную пантеру и вовсе приняли за злобного духа.

– Ты меня утомил, Чомпот.

Последнее слово я едва смогла вымолвить – в горле было так сухо, будто оно покрылось изнутри трещинами.

– Ты хочешь пить?

Чомпот метнулся к стене кибитки. Там стоял низенький столик.

– Вот, выпей.

В нос ударил запах кислого молока и дыма. В бронзовой чаше плескалось что-то белое.

– Это напиток из молока лошадей, он придаст тебе сил и утолит жажду.

– Я бы лучше выпила воды.

– Меня не выпустят из кибитки ни под каким предлогом, а ни чего другого здесь нет.

– Кто же из нас двоих бо?льший пленник, волчонок?

Я пригубила кислого молока, потому как иного выбора у меня не было. И хоть дальнейшая участь была мне неизвестна, сходить с ума от жажды и чувства голода не хотелось. Мне ещё понадобятся силы. Хотя бы для того, чтобы достойно встретиться лицом к лицу с Эмиром Симбиром. Мальчишка не соврал – нескольких глотков хватило для того, чтобы почувствовать себя намного лучше. Поначалу нутро взбунтовалось против непривычного напитка, но я насильно заставила себя проглотить всё содержимое чаши до последней капли.

Внезапно в кибитке стало светло – отдёрнули полог, послышались тяжёлые шаги.

– Пёсий выблядок! – подошедший мужчина с размаху отвесил оплеуху мальчишке, застывшему от неожиданности с чашей в руках подле меня, – кто разрешал тебе поить ведьму? Тебе было велено лишь не спускать с неё глаз.

– Прошу прощения, Отхон-бай!..

Тот, кого мальчишка называл Отхоном разошёлся не на шутку: за одной оплеухой последовала вторая, а потом и третья. Крупный мужчина, не щадя, лупцевал тонкого мальчишку.

– Лишний рот на столе нашего улуса – вот ты кто!.. Шаман сказал, что от тебя не будет никакого прока… Скоро и Галзан-бай поймёт это и выпнет тебя как можно дальше…

Мальчишка ныл, сжавшись в комочек. Миркхи?ец отвесил ему последний пинок и повернулся ко мне.

– Эмир Симбир желает тебя видеть у себя. Стража!

В кибитку вошли трое рослых мужчин. Наверняка это были самые высокие миркхи?йцы, потому что они были едва ли не на две головы выше Отхона.

– Развяжите её и ведите за мной. Ни на миг не отпускать.

Острый нож перерезал верёвки. Меня резко дёрнули вверх, ставя на ноги. От длительного пребывания в неудобной позе ноги затекли и подкашивались, почти как у старика. Меня не вели под локоть, а тащили.

За пределами кибитки стоял яркий солнечный день. Чудовищная несправедливость – небо пронзительно чистое и безоблачное в противовес ужасу, поджидающему на каждом шагу. В кибиточном городке миркхи?йцев царит оживление – снуют воины и женщины, горят костры. Отовсюду доносятся залпы хохота и бренчание трёхструнок. По мне снуют любопытные взгляды, по большей части равнодушные, но некоторые откровенно враждебные.

Вслед летят похабные шутки и пустые бахвальные речи. Стража ведёт меня к самой большой кибитке. Попросту говоря, огромной. Кипельно-белая, она возвышается над всеми остальными. А округлые стены увиты замысловатыми красными узорами. Возле кибитки играют двоё мальчишек, возрастом чуть младше Чомпота. Они пинают в пыли друг другу нечто округлое. Приблизившись, я понимаю, что это – отрубленная голова Шен-Ри?. Ярко-жёлтые глаза потухли, через приоткрытую пасть виден кончик шершавого языка. Стража толкает меня в спину, направляя к пологу, но я всё же успеваю сказать:

– Злые духи не любят тех, кто надругается над их вместилищем.

Косоглазые мальчишки замирают, переглядываясь, и бросаются с криком прочь, забыв про свою забаву. Стража отдёргивает полог, толкая меня внутрь пространства кибитки, и ведёт через всё её пространство к тому, кого величают Эмир Симбир.

Глава 8. Артемия

Эмир полулежит на возвышении, устланном горой мягких подушек. Все остальные кочевники сидят на войлоке, сложив под себя ноги. С появлением меня голоса смолкают и воцаряется тишина. Мягкий войлок гасит звук моих шагов. Эмир Симбир с интересом разглядывает меня, скользя узкими глазами по телу, всё ещё затянутому в доспехи. Меня останавливают за несколько шагов до его «трона» и болезненным тычком по задней стороне икры заставляют опуститься на колени.

– Поднимите, – лениво велит эмир, – и снимите с неё доспехи. За ними невозможно разглядеть её фигуры. Может, их женщины не так хорошо сложены, как о них говорят.

Несколькими резкими движениями молчаливые стражники сдёргивают с меня доспехи. От грубых движений рвётся и рукав просторной рубахи, сейчас мокрой от пота и прилипшей к телу. Стражники бросают доспехи на войлок и туда же летит оторванный рукав под одобрительные громкие возгласы кочевников.

– Поверните её спиной. У нас принято оценивать хорошую кобылу сзади.

Слова эмира тонут в громком хохоте. Советники, предводители улусов и военачальники оглушительно ржут, хлопая себя ладонями по ляжкам.

– На самом деле белая шлюха, – смакует свои слова эмир, – а то по грязному окровавленному лицу было непонятно, какого цвета твоя кожа.

Симбир отличается от числа своих военачальников. Эмир достаточно молод, ему едва ли около сорока. Он из тех, кого называют тонкокостным. Узкие плечи и длинные руки, худое лицо. Может, он не столь силён физически, как тот же Отхон-бай, но его глаза и тонкие губы выдают противника иного рода. Не зря именно ему удалось объединить под своим началом семь враждующих улусов. С одного взгляда становится понятно, что ему по вкусу жестокие удовольствия – такой будет, не отрывая взгляда, смотреть на то, как его жертву разрезают на лоскуты и смаковать при этом свой ужин.

Эмир хочет сказать что-то ещё, но в кибитку входит ещё один миркхи?ец.

– Эмир, к вам просится жена.

– Какая? Их у меня четверо.

– Оюна, мой господин.

– Скажи, что я приму её позже.

За пределами кибитки слышится высокий недовольный женский голос. И эмир, вздохнув, кивает:

– Нет, всё же запусти её сюда.

Миркхиец отходит назад и отдёргивает полог, впуская женщину. Она семенит коротенькими ножками к трону, бросая на меня взгляды, полные ненависти.

– Что тебе, мать моих сыновей?

– Убей ведьму немедля. Она угрожала твоим сыновьям. Говорила о злых духах, что может напустить на них.

– Вот как? И когда же она успела это сделать? Стража?

– У входа в вашу кибитку, эмир, – подаёт голос один из стражников.

– О, на твоём пороге… И она ещё жива? – возмущению Оюны нет предела.

– Я непременно разделаюсь с ней так, как посчитаю нужным. А теперь ступай, Оюна. Я приду к тебе вечером.

На лице женщины расплывается улыбка, и она, торжествующе взглянув на меня, спешит прочь. Эмир причмокивает губами и морщится от досады.

– Чем больше жён, тем больше проблем. Я даже рад, что небеса избавили меня от пятой, – тычет он в мою сторону пальцем, – от тебя было бы ещё больше раздора. Гораздо проще иметь рабынь. Итак, скажи, где ваш правитель? Он позорно бежал из города, оставив его на попечение шлюхи?

– Нет. Ему перегрызла глотку пантера. Та самая, голову которой пинали в пыли твои дети.

– Мальчишки. Что с них взять. У каждого возраста свои причуды и предпочтения.

Сальный взгляд, не таясь, гулял по моей фигуре.

– А что с остальным населением? Куда делись все женщины и дети?

– Спроси об этом у своих шаманов. Я была слишком занята обороной города, чтобы следить за наседками и их выводком.

– Не стоит дерзить мне. Твоего города больше нет, как и твоего величия. Сейчас ты стоишь передо мной и моими людьми. Просто ещё одна девка из тысяч других. Только и всего. По моему приказу тебя могут кинуть на забаву воинам моего улуса. А после того как каждый из них отдерёт тебя вволю, тебя закатают в сырой войлок и оставят сушиться на солнце. Но… ты можешь избежать этой участи. Если ты как следует порадуешь сейчас меня и моих людей, займёшь место среди моих рабынь. Станцуй для нас.

Миркхийцы довольно осклабились. Кто-то затренькал на трёхструнке. Противное «дзынь» било по ушам. Я стояла не шелохнувшись.

– Танцуй, – нетерпеливо хлопнул в ладоши эмир, сев на горе подушек, – танцуй же!

Голос его исполнился угрозы, колкой и холодной.

– Эй вы… Кажется, что нашей гостье кое-что мешает. Разденьте её.

Приказ исполнился немедленно. Ткань, разрываемая сильными руками, жалобно затрещала. Обнажённое тело покрылось мурашками от прикосновения лёгкого дуновения воздуха. Трёхструнка продолжала назойливо выводить какую-то мелодию. Я стояла без движения, едва сдерживая порыв прикрыться руками от мерзких, липких взглядов, цепляющихся за кожу.

– Я научу тебя быть покорной и стремиться как можно быстрее угодить господину.

Эмир потянулся, доставая из вороха подушек кнут, и замахнулся. Свист – и кончик кнута хлопает около моих ступней с одной стороны. Ещё один взмах – и он подбирается чуть ближе. Вновь свист кнута в воздухе и хлыст опускается на ногу, рассекая кожу ниже колена. Я непроизвольно дёрнулась вбок от боли, но больше не сделала ни одного движения. Эмир, прищурившись, вновь размахивается и опускает руку, глядя мне за спину.

– О мой дорогой друг!.. Присаживайся. Посмотришь, как будет плясать под кнутом белая Верксалийская шлюха.

В ответ ему доносится лишь молчание.

– Нет? Не желаешь насладиться представлением? Твоё право. Подойди, не стой так далеко… С тобой расплатились, как полагается?

– Не со мной. С моими людьми.

Голос звучит приглушённо, но кажется смутно знакомым. Он проникает внутрь меня, вызывая ураган эмоций. Не может этого быть! Он умер. Несколько лет назад…

Вошедший мужчина останавливается по правую руку от меня. И поневоле я перевожу на него взгляд. «Бессмертный». Лицо скрыто маской, мускулистое тело обнажено до пояса. Только кожаная перевязь для клинков перекинута через плечо.

– Со мной ты ещё не расплатился.

– Хорошо, мой друг. Назови свою цену и я уплачу тебе, как мы договаривались. Сколько золота ты хочешь?

– Немного, – мужчина снимает с лица маску, поворачиваясь ко мне лицом, – в качестве уплаты за свою службу я хочу забрать белую шлюху Веркса?ла с золотыми волосами.

Тяжёлый взгляд направлен прямо мне в лицо. Я смотрю в ответ и не могу поверить своим глазам. Хочется, чтобы увиденное оказалось правдой и… лишь наваждением, игрой утомлённого сознания. Потому что рядом со мной стоит Инса?р – один из лучших «Бесмертных», мой телохранитель и любимая игрушка, подаренная отцом в далёком прошлом. Просто мой. Как было когда-то давным-давно. Тогда его взгляд сулил наслаждение и светился любовью. Сейчас – он кипит яростью и кажется, что в меня летят брызги раскалённого, расплавленного золота, прожигающие кожу до мяса. Один миг – и меня отбрасывает в прошлое, на много лет назад. Жаркое лето… Пыльные улицы невольничего рынка…

Глава 9. Прошлое

– Артемия, не глазей по сторонам так жадно, словно ты впервые на невольничем рынке. И не показывай пальцем! – недовольно одёргивает меня учитель.

– Но я же здесь впервые, учитель Диокле?с.

– И о том знать должна только ты. Все остальные должны думать, что для тебя окружающая обстановка – дело привычное. Ты же не оборванка с улицы и непростая дочь толстосума. Ты – дочь своего отца Ликоме?да и жена будущего правителя нашего города. Ты должна стать образцом для подражания и вести себя так, словно ничто не может поколебать твоего спокойствия.

– А если мне неспокойно? – шёпотом спрашиваю я, невольно робея от вида рослых мужчин, стоящих в кандалах неподалёку от нас. Тела их черны как ночь, но украшены белой краской, а в ушах, носу и даже в губах продеты огромные кольца, – вот, смотри…

– Артемия, палец! – повышает голос Диокле?с и тянется в суму. Похоже, мне на самом деле стоит попробовать вести себя, как полагается, иначе учитель достанет из сумы тонкую, гибкую указку и стегнёт ею мне по пальцам. Как всегда, когда я не слишком рьяно выводила изящные наклонные буквы на уроках письма.

Диокле?с неторопливо прогуливается по невольничему рынку, растолковывая мне, как должен обращаться с рабами и слугами мудрый правитель, заставляет обращать внимание на мелочи.

– Диокле?с, мне жарко… И здесь дурно пахнет!

– Разумеется. Мы же не в чистой классной комнате. Но всё это тоже часть твоего обучения. Это то, что зовётся жизненным примером. Идём дальше.

Разве меня спрашивают? Диокле?с просто кладёт руку на плечо и, зажав, его тонкими пальцами, тащит меня дальше. Чуть позади нас следуют двое охранников, переодетых в простые воинские одежды. Словно они – лишь пара служак, но никак не наши охранники. Они даже идут довольно далеко друг от друга, не выдавая своего присутствия. Поначалу это было даже весело – переодеться в более простую одежду и гулять по городу, не привлекая лишнего внимания.

Даже Диокле?с, всегда выглядевший внушительно, сейчас смотрится как простой обыватель. Немного потёртая одежда, сутулая осанка, растрёпанная борода и смешной головной убор, прикрывающий лишь самую макушку его головы. Но после двух-трёх часов брожения по невольничему рынку мне уже не так весело, как в самом начале. От духоты тело вспотело и лёгкое платье противно липнет к нему. В воздухе стоит отчётливый тяжёлый запах множества тел, дешёвого вина, та?йсы и пережаренного мяса. Говор тысячи глоток, звон кандалов, скрип проржавевших засовов на клетках… Все эти звуки врываются внутрь головы и бьются внутри неё до боли.

– Как скоро мы вернёмся? – поневоле мой голос звучит капризно, как у маленького ребёнка, хотя мне уже минуло двенадцать.

– Терпение, Артемия… Ты голодна? Я возьму лепёшек.

– Вот этих? – я с неудовольствием смотрю на сероватые лепёшки из муки грубого помола.

– Да, вот этих. Попробуешь обыкновенной еды простых смертных.

Как люди могут жевать их с таким удовольствием, недовольно думаю я, мечтая о пышных, белых лепёшках, что пекут у нас во дворце. Они воздушные, лёгкие и тают во рту. Как только доберёмся обратно, попрошу, чтобы кухарка Агата их испекла. С мёдом. Или нет, не с мёдом. Лучше с ягодами.

А возле переносной лавки торговца лепёшками толпится около десятка человек.

– Я займу очередь, а ты не стой без дела. Оглядывайся присматривайся, примечая мелкие детали. Завтра на занятиях расскажешь мне об увиденном, подробно и с выводами.

Я вздыхаю, верчу головой по сторонам. Да что здесь примечательного? Уже тошнит от этого рынка! Мне скучно стоять рядом с толкающимися зеваками возле лавки, и я потихоньку начинаю отходить. Не переживаю, что могу потеряться на многолюдном рынке, потому что следом словно тень, следуют охранники. Они там, позади меня, даже если я их и не вижу прямо сейчас.

Нет, ничего примечательного на глаза не попадается. Всё те же помосты, телеги и клетки с невольниками самого разного возраста и внешнего вида: мужчины, женщины, старики и дети… Я уворачиваюсь от острых локтей и объёмных животов, удаляясь от Диокле?са.

– Вот этот и есть «бессмертный»? – презрительно выплёвывает слова тучный мужчина. Мне становится интересно. Я подбираюсь ближе прислушиваясь.

– Да, господин.

– Не верю… Пленённый «бессмертный»? Впервые слышу о таком.

– Он не пленённый. Его бросили на телегу с трупами после боя, сочтя мёртвым. Но он оказался живуч, его выходили и поставили на ноги. Прекрасный боец…

Судя по нетерпеливому тону, бородатому хозяину раба уже не впервые приходится нахваливать свой товар, чтобы его купили. Он расписывает силу и мощь бойца, демонстрирует зажившие рубцы. Но покупатели прислушиваются к болтовне, осматривают, ощупывают товар и уходят прочь, качая головами.

– Значит, не такой уж он хороший боец, если дал себя убить, – делает вывод тучный мужчина и, довольный своими словами, уходит.

Я во все глаза смотрю на раба, которого хозяин назвал «бессмертным». Он кажется мне не живым, а статуей, подобно той, что установлены во дворце. Те статуи во всей краск показываютмощь мужского тела. Статный, высокий, под бронзовой кожей – налитые силой выпуклые мышцы. Голова раба была обрита наголо ранее, но сейчас уже видна поросль тёмных волос. Я поражаюсь тому, с каким спокойствием он воспринимает внимание к себе. Его щупают, словно гуся, перед тем, как купить, заглядывают в рот и оттягивают нижние веки.

Мне подобные действия кажутся унизительными, но вид у раба при этом такой, словно ничего из происходящего к нему не относится. Словно мы все, окружающие его, назойливая мошкара, недостойная даже презрения… И если Диокле?с именно такое спокойствие имел в виду, поучая меня, то подобного состояния мне явно не достичь в ближайшее время. Похоже, я стою и пялюсь на раба слишком откровенно и долго, потому что он медленно поворачивает голову в мою сторону и смотрит прямо в глаза. Странный цвет глаз – жёлтый, как у кошек. Никогда не видела подобного. Он смотрит на меня и… подмигивает мне всё с тем же невозмутимым видом? Или то мне показалось, потому что раб вновь занимает прежнее положение, становясь похожим на бездушное каменное изваяние.

Очередной покупатель, цокая языком, отходит прочь. И торговец замахивается на раба плетью:

– Бесполезный кусок мяса! – словно раб виноват в том, что его никто не хочет покупать.

Торговец дёргает за цепь, которая прикована к кандалам, опутывающим ноги раба, и тянет его за собой. Проходит некоторое расстояние и останавливается возле лавки с лепёшками. Я по непонятной причине всё ещё слежу за «бессмертным». Толкотня возле лавки сильная, и вдруг я замечаю, как один из мужчин тянет руку и проворно тащит с прилавка пару лепёшек, пряча одну из них себе за пазуху. Осторожно и, казалось бы, незаметно, но торговец замечает краем глаза, количество лепёшек уменьшилось.

– Вор! Здесь вор!

Начинается суматоха, но воришка спокойно скользит вбок, роняя лепёшку возле ног раба, «бессмертного».

– Это твой раб? – возмущённо вопит воришка, обращая внимание, – значит, это он стырил хлеб у честного торговца!

Торговец невольниками багровеет от злости, замечая хлеб, валяющийся у ног раба.

– Эй, почтенный, заплати, а? Твой раб – твоя собственность. Он нанёс мне урон!.. – голосит торговец лепёшками.

– Шелудивая псина, – взбешено ревёт хозяин раба, поднимая в воздух плеть.

А воришка как ни в чём не бывало стоит рядом, наблюдая за происходящим. Мерзкий обманщик! Плеть со свистом рассекает воздух и опускается на оголённую грудь раба. От сильного удара лопается кожа, и в воздух взлетают кровавые брызги. Наказание кажется мне жутко несправедливым. И сколько бы раз Диокле?с ни втолковывал мне, что сначала нужно думать, а потом делать, в этот раз мои действия оказываются быстрее мыслей.

Я с возмущённым криком бросаюсь наперерез, замечая лишь, что занесённая плеть опускается слишком быстро. И, что главное, опускается она уже на меня. Внезапно сильные руки обхватывают и разворачивают меня, закрывая собой, но резкая боль всё же обжигает щёку. Он мгновенная и сильная. Кажется, что у меня разом отсекли половину лица и солёные слёзы, хлынувшие следом, заставляют рану гореть ещё сильнее.

Запоздало до ушей доносится крик и торговца с плетью в руке теснят мои охранники, и, расталкивая зевак во все стороны, ко мне спешит Диокле?с. Раб всё ещё удерживает меня в кольце своих рук. Вокруг звучат крики и ругань, истошно вопит торговец лепёшек, ему вторит возмущённый глас хозяина раба. Но все звуки смолкают, едва слышится рёв медной трубы, возвещающей о приближении Правителя.

– Что за неразбериха?

Отец? Это на самом деле он?

– Диокле?с, почему моя дочь находится в руках раба, а её лицо заливает кровью?

Старый учитель кланяется глубоко, произнося слова оправдания. Но многое ему неизвестно – ведь он опоздал. Часть событий описывают стражники, повесив головы в ожидании неминуемого наказания. А основную часть рассказывают, перебивая друг друга, торговцы, виня во всём раба, что, по их словам, вор.

– Он не крал хлеб! Вон там стоит настоящий воришка!

Мой палец утыкается в тщедушного мужчину, стащившего хлеб с прилавка.

– У него за пазухой спрятана лепёшка. И когда торговец заметил, что у него пропал товар, вор выкинул вторую лепёшку под ноги рабу.

– Это мой хлеб, – торопливо произносит вор, – я его купил!

– Купил и спрятал за пазухой? – мой голос звучит как писк комара, но разносится далеко в тишине.

Воришку в два счёта обыскивают и находят припрятанное.

– Увести его, – велит отец, – накажите его как вора, лжеца и клеветника. Трижды.

Голос отца холоден, но ещё холоднее блеск его глаз, направленный на меня. Раб уже разжал объятия, но я всё ещё стою возле него.

– Подойди ко мне, Артемия.

Сильные пальцы обхватывают меня за подбородок.

– Твоё лицо опухло и обезображено. Потребуются немалые усилия, чтобы залечить это.

Отец переводит взгляд на хозяина раба:

– Знаешь, какое наказание уготовано тому, кто поднял руку на семью правителя?

Торговец побледнел и упал на колени, касаясь лбом пыльной земли, моля о пощаде.

– Он же не нарочно, отец!

– Вот как? И кто же, по-твоему, виноват во всём этом?

– Воришка. Если бы не он…

– Если бы не он, если бы не учитель, халатно отнёсшийся к вверенной ему ученице, если бы стража не упустила тебя из виду… Слишком много если. Но не кажется ли тебе, Артемия, что среди них не хватает ещё одного?

– Если бы я не влезла под плеть хозяина раба, – наконец, признаю я, зная, чего ожидает отец. Слова звучат чуть иначе – кажется, что одна сторона лица онемела или её вовсе не существует, хотя по щеке на платье тонкой струйкой стекает кровь.

– Пощадите, я готов искупить свою вину… – всё ещё бормочет торговец, – возьмите всё, что у меня есть.

Он трясёт кошелём и толкает вперёд раба, загораживаясь им от гнева отца.

– «Бессмертный»? – хмыкает отец, определяя каким-то образом, кто стоит перед ним, – я вынесу решение чуть позже. А сейчас я желаю отправить свою дочь в руки лекарей. Немедленно.

Глава 10. Прошлое

Во дворце вокруг меня сразу начинают крутиться лучшие лекари. Я лишь мельком взглянула в зеркало и ужаснулась: левая половина лица безобразно опухла, а удар плети рассёк кожу полумесяцем на скуле.

– Теперь я точно останусь уродиной до конца своих дней.

– Ложись и не двигайся, – велит мне лекарь и касается тонкими прохладными пальцами щеки. Я шиплю от боли. Он, не обращая внимания, на мои всхлипы, отирает кожу влажной тканью и только потом накладывает на кожу пряно пахнущую кашицу из толчёных листьев.

– Горит ещё сильнее, – жалуюсь я.

– Это ненадолго. Совсем скоро перестанешь чувствовать боль и опухоль спадёт. Потом я зашью края раны. А теперь лежи без движения.

Лучше бы не говорил ничего, сразу становится страшно: я боюсь боли. Но лекарь не солгал. Совсем скоро боль начинает утихать. Усталость берёт своё – я засыпаю. А проснувшись, обнаруживаю, что лекарь сделал свою работу, пока я спала. Спала так крепко, что ничего не почувствовала. В отражении зеркала видны только крошечные аккуратные стежки и краснота вокруг них. Даже опухоль спала почти полностью.

Отец выносит решение на следующий день. Робея, я предстаю перед ним, гадая, какое наказание он придумает для меня. На невольничем рынке я ослушалась и самовольно улизнула, в то время как нужно было только стоять и глазеть по сторонам. В малом зале почти никого нет из посторонних. Слуги и рабы – не в счёт. Решение отца повергает меня в изумление и негодование: двух стражников, что должны были прислуживать мне, казнили. Чтобы они, перейдя на службу к кому-то другому, не могли растрепать языками дворцовые тайны. Старый учитель в наказание был бит палками и отослан на родину, в далёкий городок.

– Что касается тебя, Артемия, ты уже и без того наказана. Плетью. Впредь тебе в голову не придёт ослушаться учителя. Место Диокле?са займёт другой. Он будет продолжать твоё обучение. И только. Так называемые уроки примеров из жизни я беру на себя. Тебе всё ясно?

– Это несправедливое решение! Диоклес…

– Прежде чем пытаться оспорить моё решение, взвесь всё как следует. И ещё… Раб, выйди вперёд.

Я и не заметила, что тот раб с невольничего рынка тоже находится здесь.

– «Бессмертные» высоко ценятся. Я надеюсь, что и в тебе найдётся нечто достойное. Твой хозяин подарил тебя в качестве извинения за причинённый вреди моей дочери. Готов ли ты служить, как то обещают ваши клятвы? Или мне стоит вернуть тебя твоему хозяину, как неугодный мне подарок?

Вместо ответа раб прикладывает руку к сердцу.

– Нет, – останавливает его отец, – не мне. Ей.

Отец указывает на меня, замершую без движения.

– За тебя заступилась моя дочь. Так что обязан ты ей, а не мне. Потому клятву верности произноси перед ней.

Раб разворачивается и делает пару шагов по направлению ко мне. Склоняет голову и, приложив руку к груди, произносит пару всего пару слов низким голосом:

– Оммир бахкас.

– И что это обозначает? – я обхожу стороной раба.

– Ценою жизни. Он будет верен тебе во что бы то ни стало. Они клянутся так, когда берут на себя какие-то обязательства. Теперь он – твой до конца дней.

– Мой собственный раб? – недоверчиво спрашиваю я, оглядываясь на высокого мужчину, кажущегося огромной горой по сравнению со мной.

– Да, Артемия. Он будет тенью, следующей за тобой по пятам, охраняющей тебя.

– И я могу распоряжаться им как пожелаю?

– В пределах разумного.

– Тогда я хочу выменять его на старого учителя.

Несмотря на то что Диокле?с был требователен и иногда бил меня по пальцам указкой, я от всей души любила старого учителя, с которым редко бывало скучно. А истории, рассказываемые им, и вовсе заставляли замирать на месте без малейшего движения от изумления.

– Исключено, – отрезает отец, – Диокле?с уже показал себя ненадёжным. Это моё последнее слово.

– Мне не нужен этот… этот истукан! – из глаз брызгают слёзы, и я выбегаю прочь из Малого зала мимо раба, стоящего неподвижно. Без разрешения отца.

Наказание не заставило себя долго ждать. Мне запретили покидать внутренние покои на протяжении трёх дней. Все мои передвижения были ограничены спальней, уборной, небольшим балконом и примыкающей к нему террасой.

Моему недовольству решением отца и слезам не было конца. Я лежала на кровати и растирала слёзы по щекам, негодуя, но не видя выхода. Еду оставляли возле дверей комнаты. Но несмотря на чувство голода, я отказывалась есть уже второй день в знак протеста. Тогда кухарка Агата, у которой я была любимицей, испекла моих любимых лепёшек с кисло-сладкими ягодами внутри. Это было понятно по аромату, сочившемуся сквозь просвет между полом и дверью.

Живот недовольно урчал от голода. В дверь постучали. Поколебавшись несколько мер времени, я всё же подошла к двери, отпирая засов. На пороге стоял подаренный мне раб, держа в руках керамическое блюдо с маленькими ароматными лепёшками. Он обошёл меня и поставил блюдо на столик, сделал несколько шагов назад и застыл возле дверей всё с тем же непроницаемым выражением лица. Молча. Даже двигался он тихо. Так, словно его не было в комнате, а то была игра моего воображения. Злость бурлила во мне от одного его вида. Я схватила лепёшку и запустила ею в раба:

– Видеть тебя не хочу! Выйди из комнаты!

Лепёшка стукнулась о грудь раба и упала на пол. Он никак не отреагировал, а мне тотчас же стало нестерпимо стыдно от своего поведения. Оно было капризным, гадким и… недостойным. Покраснев от стыда, я всё же подобрала лепёшку с пола и выбежала на террасу. Наверняка лепёшка была бесподобной, но мне она казалась солоновато-горькой из-за слёз, струившихся по щекам. От влаги слёз начало припекать зашитую рану. Я смахнула слёзы рукой, но лишь растёрла их.

– Не плачь и не три слёзы – сделаешь только хуже. Может остаться большой шрам, – раздался низкий голос.

Раб никуда не ушёл. Он стоял за моей спиной.

– Ну и пусть! Всё равно лицо изуродовано.

– Нет, через некоторое время твоя красота затмит собой весь остальной мир.

– Я не спрашивала у раба мнения. Уходи! Это приказ.

– Я не слышал ни одного приказа. Только вопли капризной девчонки.

Я встала обернувшись. На этот раз его спокойный вид остудил мой пыл, напомнив слова Диокле?са о неподобающем поведении. И постаралась придать своему голосу нужное выражение, вспоминая, как обращался к слугам и рабам мой отец: с должным нажимом, чтобы дать понять, кто хозяин, но без лишнего унижения, неприятного любому человеку, даже рабу.

– Как тебя зовут, раб?

– Раб.

– Нет, твоё настоящее имя. Вот тебе мой первый приказ, раб. Назови своё настоящее имя, – как можно спокойнее произнесла я.

Мужчина помолчал, словно раздумывая, стоит подчиняться или нет. Поразительно! Как я буду управляться с этим рабом, если даже такой приказ он обдумывает, прежде чем выполнить.

– Инса?р, – наконец, произносит он.

– И что означает твоё имя, Инса?р?

– «Тот, кто побеждает».

– Хорошее имя для воина.

– Очень разумное замечание для столь маленькой госпожи.

В глубине зрачков промелькнули искры, словно его веселит происходящее. Промелькнули – и погасли.

– Меня хорошо обучают, Инса?р. А тебя, видимо, нет, потому что я не разрешала тебе входить на террасу. Оставь меня. Займи своё место и… охраняй мои покои. Не впускай никого без моего на то разрешения.

Раб молча склоняет голову и уходит, сочтя тон приказа достаточным.

Глава 11. Прошлое

После того как место Диокле?са занял другой учитель, сам отец начал больше времени проводить со мной. В основном это всё было частью непрекращающегося обучения. Иногда оно заключалось в том, чтобы просто присутствовать при разборе тяжб или некоторых вопросов, связанных с управлением городом. Не всё мне было понятно, порой – просто скучно. Но я всё же старалась изо всех сил вникать.

Отец хоть и не подавал виду, но всё же пытался как-то сгладить острые углы. Он подарил мне диковинную лошадь, привезённую из далёких земель. О таких

лошадях раскрашенных в чёрную и белую полоску мне рассказывал Диокле?с, но видеть её вживую, касаться тёплой, короткой шерсти – совсем другое дело. Я постоянно крутилась вокруг неё, и мне очень хотелось прокатиться на ней верхом.

Но рядом за мной постоянной тенью следовал новый раб, Инсар, вставляющий иногда замечания о том, чего не следовало бы делать во имя безопасности. Да, я хотела относиться к нему подобающим образом. Но отчего-то от одного вида его массивной фигуры, следующей за мной по пятам, от этого непонятного взгляда цвета золота мне хотелось ёрничать и выказывать дурной нрав. Я часто давала ему поручения, неподобающие его статусу, и оттого испытывала злорадное удовольствие.

Так, в очередной день, я отослала Инсара, чтобы он принёс с кухни кувшин с прохладительным кисловатым напитком. И едва раб скрылся в заданном направлении, вошла в загон с лошадью, чтобы оседлать её. Вопреки всем предупреждениям мне удалось это сделать довольно легко. И я даже взобралась верхом, понукая лошадку. Она смирно вышла из загона и степенно прошлась по внутреннему двору. А затем вдруг взбрыкнула и понесла на полной скорости прочь. Я пыталась усмирить взбесившееся животное – всё было тщетно.

Лошадь неслась на выход из зверинца, задавая направление по прихоти животного нрава. Она проскочила через ворота и помчалась прочь, удаляясь от дворцовых пристроек и садов. Я держалась изо всех сил, оцепенев от страха. Идея прокатиться на диковинной лошади казалась мне уже не столь хорошей. Она несла меня по улицам города и направление её движения мне очень-очень не нравилось. Она бежала улицей Чёрных Роз, прямиком к кварталу Жалящих Гадюк. Района, куда не осмеливались сунуться в одиночку даже взрослые мужи. Язва на теле города – так отзывался о нём отец.

У района была недобрая слава: лишиться жизни в нём было так же легко, как лишиться кошеля, зазевавшись на рынке в праздничный день. Тесные улочки сменяли одна другую. Лошадь неслась во весь опор ровно до того момента, как уткнулась мордой в тупик. Лишь тогда она остановилась, издавая жалобные звуки, непохожие на ржание обычных лошадей. Я сердито шикнула на неё, но глупое животное заорало ещё сильнее, будто нарочно привлекая внимание.

– Девчонка, – раздался голос откуда-то сверху. Из оконного проёма высунулась голова бритоголового мужчины, но полностью увитая татуировка змей. Даже на щеках были вытатуированы разинутые пасти гадюк, – взять девчонку. Она должна дорого стоить.

Я не поняла, кому он отдавал приказ – ведь рядом никого не было. Но тотчас же словно из-под земли выросли силуэты нескольких других мужчин, устрашающего вида. Один из них схватил под уздцы лошадь, двое других подхватили меня под локти и повели прочь. Я упиралась в землю ногами, но тогда меня просто подняли и понесли над поверхностью земли. Через несколько мер времени меня привели в приземистое здание, полностью состоящее из одного просторного помещения. В котором сидели около десятка таких же человек с изображениями змей.

– Знаешь, кто это? – процедил сквозь зубы один из мужчин.

– Очень мелкая сучка из богатеньких, – ответил ему второй.

– Не-е-ет, это дочь самого правителя. Я видел её на празднике. Чувствуешь, чем пахнет? Не только золотом, но властью и большими возможностями. Давно нашему клану в руки не шла подобная удача. Вы – пятеро, глаз с неё не спускать.

Меня усадили в угол, велев заткнуться и не издавать ни звука. Было очень страшно, так страшно не бывало ещё никогда. Особенно пугали эти головорезы, принадлежащие к одному из преступных кланов города. Иногда смысл их речи становился мне неясен – столько странных и непонятных словечек они употребляли. Мгновения утекали в никуда. А потом вдруг у одного из окон раздался слабый шорох и послышался тихий вскрик. Головорезы насторожились. Один из них, крадучись подошёл к оконному проёму, осторожно выглядывая из него, и оказался вытянут наружу. Раздался хруст – и вновь наступила тишина. Головорезы всполошились. Один из них метнулся ко мне, приставив острое лезвие к горлу. Оставшиеся трое приняли боевые стойки около окна. Сначала ничего не происходило, но потом словно вихрь ворвался внутрь. Движения ворвавшегося были так быстры, что за ними было тяжело уследить глазами – они смазывались в единое пятно цвета бронзы. Крики, ругань и шум борьбы слились воедино. Я зажмурила глаза от страха. Внезапно всё прекратилось, я осторожно приоткрыла глаза, увидев лишь безжизненные тела, залитые кровью, и Инсара, приближавшегося ко мне, зажатой в лапах головореза.

– Стой или я перережу девчонке глотку.

Инсар даже не замедлился.

– Режь.

Рука головореза чуть дрогнула. Занесённое лезвие едва скользнуло по коже и… ничего. Звук падающего тела позади меня.

– Можешь открыть глаза, – раздался спокойный голос раба. Я отрицательно мотнула головой.

– Нам нельзя здесь оставаться. Скоро сюда сползутся все гадюки клана. Пойдём.

Я открыла глаза. Раб присел на корточки так, что оказался вровень с моим лицом.

– Сейчас ты возьмёшь меня за руку и пойдёшь следом. Будешь делать всё так, как я скажу. И совсем скоро окажешься в стенах дворца.

Не дожидаясь ответа, Инсар обхватил мою ладонь и потянул за собой, к окну. Инсар вылез сам и вытащил меня следом.

– Нужно залезть на крышу, я подсажу тебя.

Можно было не отвечать. Действия следовали сразу же за его словами. Инсар решил, что самым лучшим способом покинуть квартал будет бег по крышам, плотно прилегающим друг к другу. Топот наших ног, казалось, раздавался далеко вокруг. Иногда расстояние между крышами было таково, что его легко могла перешагнуть даже я. Иногда – требовалось разбежаться.

– Мы уже у границы квартала. Ещё немного и мы будем в безопасности…

Позади раздались крики преследователей. На нас неслось с десяток головорезов. Внезапно Инсар резко пригнул меня к крыше. В воздухе над головой раздался свист – головорезы запускали метательные диски с

зазубренными краями.

С одной стороны – головорезы, с другой стороны – такое огромное расстояние до соседней крыши, располагающейся чуть ниже, что мне никогда в жизни было бы не пересечь её, даже будучи взрослой. Инсар подхватил меня на руки:

– Обхвати меня за шею, руки – замком. И не разжимай их не за что. Прижмись крепче.

Мне пришлось повиснуть на рабе, как той дрессированной обезьянке, обвив его торс ногами и обхватив за шею. Раб сделал несколько крупных шагов назад, по направлению к головорезам, потом разбежался и, оттолкнувшись ногами, на мгновение словно завис над пропастью между соседними крышами. Сильный удар – раб приземлился на другой стороне крыш, едва ощутимо дёрнувшись. Один диск всё же достиг цели, распоров ему кожу на плече. Инсар обернулся, посмотрев на банду головорезов, и легко побежал дальше, спустившись с крыши парой крупных прыжков. Через пару улиц раб осторожно спустил меня на землю, но руки из ладони не выпустил, ведя обратно во дворец.

Меня хватились – огромное количество стражников прочёсывали кварталы. И совсем скоро я предстала перед взбешённым отцом, правителем Верксала. При виде меня, живой и невредимой, его лицо просветлело, но лишь на миг, чтобы вновь потемнеть.

– Чтобы к сегодняшнему вечеру от квартала гадюк и камня на камне не осталось, – резко бросил отец.

– Это будет непросто сделать, – возразил кто-то из Советников.

– И неразумно, – вторил ему второй, – наживём себе врагов, бороться с которыми будет непросто.

– Очистить квартал сегодня же,– ещё раз повторил отец, – эта язва разрастается всё дальше… Бросить все силы. В живых не оставлять никого.

Советники недовольно зацокали языками, но приказ был отдан – и стройные ряды войск отправились зачищать квартал.

– А теперь подойди, раб.

Отец обратился к Инсару.

– Как могло выйти так, что «бессмертный», поклявшийся служить, подверг опасности жизнь моей дочери? Может быть, тебя переоценили? И стоит от тебя избавиться сейчас же?

– Он не виноват, отец, – подала голос я.

– Вот как? А кто же?..

– Лошадь, подаренная тобой, понеслась прочь, прямиком в тот квартал.

– Это не оправдание. Он должен был костьми лечь, но остановить лошадь.

– Он не мог.

– Почему?

– Потому что я отослала его прочь, на кухню, – нехотя призналась я.

– Я не верю своим ушам. Тебе, Артемия, мало прочих слуг на побегушках? Ты неэффективно используешь раба, подаренного тебе для защиты, и подвергаешь свою жизнь опасности.

– Да, отец, – пришлось признаться мне.

– Ты будешь наказана. Раб всё равно допустил ошибку. И кажется, тебе не стоило дарить это животное. Придётся избавиться от одного из них. Выбирай.

– Раб не виноват. Он спас меня.

– Значит, умертвим животное, как только зачистят квартал. А сейчас ступай к себе. Не покидай пределы комнаты без моего на то разрешения.

Я поклонилась и двинулась на выход из зала, как услышала голос отца:

– И Артемия. Ты будешь присутствовать при том, как мясник заколет эту лошадь. Ты должна знать, что у всего есть цена и уметь нести ответственность за свои ошибки. И не только. Принимая решения, будь готова проследить за их исполнением.

Урок отца оказался суров. Несчастное животное привели в зверинец на следующий день. Мясник заколол лошадь словно свинью и в два счёта освежевал её тушу. Даже шкуру он снял ловко, ни разу не испортив её. Позже она займёт своё место на полу моей комнаты. По приказу отца.

Я старалась не разреветься, глядя на то, как хищники с удовольствием отрывают куски мяса от свежей туши, но едва переступила порог комнаты, дала волю слезам. Забыв на время, что раб Инсар следует по пятам, не оставляя на минуту.

Чьи-то пальцы легко и невесомо коснулись волос. Я подняла голову, увидев Инсара, замершего возле меня, и от удивления даже перестала плакать. Рабам не позволялось касаться хозяев без разрешения. А этот молчаливый истукан гладит меня по голове, словно он мне – ровня.

– Из-за такого глупого животного не стоит ронять столь драгоценную влагу, Артемия.

– Может быть, ты хотел сказать, из-за собственной глупости?

Инсар молча пожал плечами и отошёл, вставая у двери.

– Ты всегда такой молчаливый?

– Моя обязанность заключается в ином.

– Раньше меня повсюду сопровождал учитель и охрана. Он был моим другом. Теперь вместо него за мной всюду следуешь ты. Твоя новая обязанность – быть моим другом и не раздражать меня своей молчаливостью.

Раб веселится – я это читаю в его глазах. Едва ли не помирает со смеху, но где-то внутри, за своей молчаливой оболочкой.

– Нельзя стать другом по приказу.

– Наверное, ты прав. Я приказываю тебе попытаться стать моим другом. И не молчать. Будь добр, отвечать не двумя – тремя словами, если я спрашиваю тебя о чём-то.

– Этот приказ более разумный.

– Благодарю. Я рада, что раб оценил уместность моего приказа.

Глава 12. Прошлое

Инсар оказался неплохим собеседником, всё таким же немногословным. Но, по крайней мере, теперь он не возвышался за моей спиной молчаливой каменной глыбой. В его верности не приходилось сомневаться. Он своими действиями доказывал, насколько хорошими стражниками могут быть «бессмертные». Даже отец, суровый и скупой на похвалу, одобрительным кивком приветствовал раба, всюду следующего за мной. На тренировках Инсар находился неподалёку и молча наблюдал за моими попытками научиться держать в руке меч. Учитель уже выбился из сил объяснять, как надо это делать правильно. И, похоже, похоронил надежду обучить меня хотя бы азам, которыми должны владеть абсолютно все благородные: и мужчины, и женщины. В очередной раз тренировочный меч вылетел из моих пальцев. По лицу раба скользнула усмешка. Кто-то другой бы её не заметил, но когда проводишь много времени с таким, как Инсар, поневоле начинаешь понимать малейшее изменение мимики .

– Подай мне меч, Инсар…

Я взяла протянутое оружие.

– Тебе смешно? Ты смеялся.

– Я не хотел насмешничать над попытками госпожи научиться владеть мечом.

– Отец говорит, что смеяться и насмехаться означает не одно и то же.

– Справедливое замечание. Да, мне смешно наблюдать за этими попытками.

– Вот как? И что же я делаю неправильно?

– Прежде чем обучать искусству владению мечом, отрабатывая удары, нас заставляли повсюду носить меч с собой. Есть, спать вместе с ним. Так, чтобы он стал естественным продолжением руки. Госпоже это ни к чему, будет достаточно хотя бы того, чтобы он не был чужеродным и лишним в ладони. К нему нужно просто привыкнуть.

– Хорошо. Начну привыкать к нему завтра.

– Сегодня, – возразил Инсар, – занятие ещё не окончено. Нужно начинать сегодня. Или постоянно откладывать на потом.

Инсар оказался прав. И уже через пару занятий меч держался в руке более уверенно, не выпадая из неё при легчайшем ударе. Инсар показал как нужно отбивать простейшие выпады.

– Хорошо. А теперь отойди к краю тренировочного поля. Отец не любит бесполезных людей. И если он узнает, что охранник за несколько дней научил меня большему, чем учитель фехтования за две недели, он велит избавиться от него. А мне не хотелось бы лишать человека головы только потому, что война – не столь привычное занятие для нашего народа, как для твоего.

***

Колесо времени вращалось своим чередом. И можно было бы забыть о том, что отец отдал приказ сровнять с землёй квартал Жалящих Гадюк. Он хотел единым движением вырвать рассадник заразы. И казалось, что это ему удалось. Конечно, часть головорезов растворилась на многочисленных улочках города, но для того, чтобы вернуть былое величие, им потребуется очень много времени. Так мы думали. Жалящим гадюкам вырвали ядовитые зубы – так говорили при

дворе моего отца Советники. Они улыбались, восхваляя его мудрость, хотя чуть больше двух лет назад некоторые из них выступали против такого решения. Их улыбки и льстивые речи и временное затишье смогли усыпить даже бдительность моего отца. И однажды ночью оставшиеся Жалящие Гадюки вновь дали о себе знать.

Спокойный сон вдруг прервался, подёрнувшись тревогой, отчётливо разлившейся в ночной тишине. Я вздрогнула и села в кровати, чувствуя, как рот зажала рука.

– Тише.

Инсар. Тревога отступила. Непонятно только как давно раб находится в моих покоях, притаившись по одну сторону кровати.

– Никаких резких движений. Вставай и отступай в дальний угол комнаты. Вон туда. Он не просматривается из окна. Торопись, но не спеши.

Я последовала приказу с колотящимся сердцем и холодным рассудком. Инсар знает своё дело. За прошедшие два года он не раз успешно защищал меня от покушений. Быть дочерью правителя – значит, постоянно находиться под ударом. Обязательно найдётся тот, кто захочет подействовать на решения отцов через его детей.

Инсар, пригнувшись, скользнул к окну. Тишина и темнота. И вдруг в оконный проём скользнули две тени. Мягкая поступь и плавные движения, словно у «крадущихся» из охраны правителя. Но никто из них не стал бы красться ночью. Шум борьбы и едва слышные крики. Движения Инсара настолько быстрые, что за ними тяжело уследить взглядом, особенно в темноте. Мне остаётся только догадываться, как он различает врагов в темноте, так скоро расправляясь с ними. За одними следуют другие. Они лезут в окно, словно муравьи на оставленную кем-то дорожку из крупиц сахара. Мой охранник справляется с ними и высовывается в окно, проверяя, нет ли кого ещё.

– Как они забрались? Здесь так высоко…

– У них есть навыки, предназначенные для того, и специальные приспособления, -тихим голосом отвечает Инсар.

– Почему остальная охрана не среагировала? Где они все?

– Возможно, их умертвили. Или во дворце завёлся предатель…

Я различаю на лице одного из нападавших татуировку разинутой змеиной пасти.

– Это гадюки.

Тревога вновь бьёт меня крыльями по лицу.

– Нам нужно в отцовские покои. Живо.

– Неразумно. Я проверю всё и только после этого…

Но я уже метнулась к дверям. Раб настигает меня в два счёта и встряхивает за шиворот, как щенка.

– Стой на месте. Это небезопасною

Я одёргиваю платье вниз и указываю рукой на тела:

– Это – Гадюки, а там – мой отец, приказавший сровнять с землёй их квартал. Ты отправишься к отцу. Это не просьба, а приказ. В противном случае, я завтра же попрошу его, чтобы он продал тебя или подарил кому-то другому. Если к тому времени он ещё останется жив.

Да, к пятнадцати годам я научилась отдавать приказы и ставить ультиматум. Ему придётся поступить так, как велю, даже если это небезопасно. Он вздыхает:

– Держись позади меня.

Инсар скорым шагом покидает покои. Мы минуем коридор. Во дворце тихо. Только на полу то тут, то там лежат умерщвлённые охранники. Вдалеке слышится шум борьбы. Инсар ускоряет бег и врывается в покои отца. Бросает мне через плечо, чтобы я не совалась следом. Но мне спокойнее находиться за его спиной даже в пылу битвы, чем стоять одной в пустом и тёмном коридоре. Я

скольжу следом и становлюсь возле дверей. Отец лежит на кровати и тяжело дышит. В тёмной комнате сражаются воины из охраны отца с несколькими нападающими. Инсар приходит на подмогу и вместе они быстро расправляются с головорезами. Я бросаюсь к постели отца. Кто-то из его охраны зажигает масляную плошку. Отец жив, но бледен и по лицу струится пот. Я тянусь к нему рукой, но раб оттаскивает меня прочь.

– В него стреляли отравленными иглами. Они тонкие, как волос и едва заметны.

Я наклоняю голову набок и замечаю, как в некоторых местах едва золотятся тонкие иглы. А ведь я могла бы напороться рукой на одну из них… Один из охранников спешит прочь, вызывая подмогу. И скоро ночные коридоры заполняются запасными отрядами воинов, туда-сюда снуют советники и лекари. Мне велят вернуться к себе и не путаться под ногами.

В комнате – пусто и даже прибрано. Словно никто не пытался напасть. Я с ногами забираюсь под одеяло и мгновенно застываю от неприятного ощущения, холодком скользнувшего вверх по ноге. Холодное, гладкое тело змеи обвивается вокруг лодыжки и забирается всё выше. Ужас сковывает горло и не даёт вымолвить ни слова. Паника вырывается частым дыханием изо рта и следом за тем кольца змеи скручиваются всё туже вокруг ноги. Она уже обвила колено…

Я осторожно откидываю одеяло в сторону и смотрю на змею, оставленную кем-то в моей постели. Гадюка с разинутой пастью раскачивается из стороны в сторону. Вертикальные зрачки устремлены прямо на меня. Мне хочется закричать от ужаса. Но вместо того в голове вдруг раздаётся странный тихий шелест и шипение. Смысл их мне неясен, но паника отступает. Как и замедляются движения змеи.

Она неподвижно застыла, как и я. Моя рука поднимается и медленно приближается к голове змеи. Ещё миг – и пальцы коснутся змеиной треугольной головы… Но тут дверь в покои распахивается. Резкое движение нарушает установившееся равновесие. Змея, словно очнувшись, разевает пасть и отклоняется назад, готовясь атаковать. Ей не суждено сделать рывок вперёд. Голова отлетает прочь, срезанная метательным диском.

Глава 13. Прошлое

– Твой отец пришёл в себя и хочет тебя видеть, – говорит Инсар, мечась по покоям и переворачивая всё вверх дном. Я мгновенно вскакиваю на ноги, готовая бежать к отцу, но останавливаюсь:

– Не стоит устраивать здесь беспорядок.

– Не стоит мешать мне выполнять мою работу, – отвечает мне в том же тоне Инсар и останавливается только тогда, когда убеждается, что больше ни одной змеи нет. Впрочем, как и моей комнаты, теперь утопающей в распотрошённой одежде и перевёрнутой мебели. Я вздыхаю, но иду следом за рабом, поглядывающим по сторонам. Отец полулежит в постели горе подушек, всё ещё бледный, но уже отдающий приказы слабым голосом. Это скорее тихий шелест, чем привычный мне громкий голос, но даже к едва слышимым словам прислушиваются.

– Выйдите все. Ты, Артемия, подойди ближе.

Я подхожу к кровати и, не удержавшись, присаживаюсь на самый край. Обхватываю горячую сухую ладонь.

– Тебе придётся покинуть дворец на время… Слишком опасно. Сегодняшняя ночь показала, что враг смог подобраться так близко благодаря поддержке кого-то из наших сторонников. Я не намерен тобой рисковать ещё раз.

– Но я…

– К тому же и без того подходит срок отправиться в Далмат. Ничего страшного, если ты приедешь туда немного раньше привычного срока.

– Надолго?

– На срок обучения и настолько, насколько понадобится, чтобы искоренить заразу. Хотя бы вырвать как можно больше сорняков. Отправляешься сегодня же, с рассветом.

– Но рассвет уже близок.

– Верно, – слабо улыбнулся отец, – не будем зря терять время. Тебя проведут тропами. Среди сопровождающих будут «крадущиеся», в верности которых я не сомневаюсь. Твой раб останется здесь.

– Почему «Бессмертный» не отправляется со мной? – удивилась я, привыкшая к его постоянному присутствию.

– Потому что он чужак. А чужакам не положено знать наши тайные тропы.

– Но он же дал клятву.

– Тем не менее. Не хочется говорить об этом… Но если однажды тебя не станет, он будет освобождён от её обязательств. Кто сможет воспользоваться услугами наёмника? И его знаниями?

– Мой «бессмертный» не станет болтать.

– И он останется здесь, возле меня. А сейчас ступай к себе. Вскоре за тобой пришлют.

Слишком много событий для одной ночи. Страшит неизвестность и разлука, и тревога за отца, непривычно бледного и слабого. Я обнимаю его за шею руками, осторожно, чтобы не причинить боль.

– Всё, достаточно. Я буду поддерживать с тобой связь через гонца.

Отец отстраняет меня, целуя в лоб напоследок. Я спешу удалиться, спрашивая перед выходом:

– А ты не продашь Инсара в моё отсутствие?

Отец недоумённо смотрит на меня.

– Раба. Ты не продашь «бессмертного»?

– Нет. Если он останется жив к твоему возвращению, он снова поступит в твоё распоряжение.

– Он же «бессмертный». «Бессмертные» не умирают.

***

Тем же ранним утром меня спешно отправили в Далмат – один из городов, подвластных нашему. Хорошо укреплённый, располагающийся в горной местности. Взять его приступом было бы невероятно сложно. И отец решил, что за его каменными стенами я нахожусь в бо?льшей безопасности, чем где бы то ни было. Далмат не торговал и не вёл войн. Далмат славился только тем богатством, что не удержать в руках, но можно вложить в головы. Город библиотек и мудрецов, поэтов, музыкантов и жриц любви, город прошлого. Мне было суждено провести за его стенами два года, самых долгих в моей жизни. Вдали от всего того, что было для меня родным и знакомым. Отец, как и обещал, поддерживал со мной связь, ведя переписку. Но разве могли написанные строки заменить дорогих сердцу людей?..

И когда отец написал, что опасность миновала и большинство предателей выкурены из стен Верксала, словно грызуны из нор, мне надлежало вернуться. Ни с чем не сравнимое ощущение, когда взгляд касается очертаний знакомых мест, подмечая, что изменилось, а что осталось прежним. «Крадущиеся» сопровождают меня на протяжении всей дороги и вводят во дворец, прямиком к отцу, сидящего за столом у себя в покоях. За прошедшие два года он осунулся и поседел ещё больше. Но в остальном – всё тот же взгляд и наклон головы, громкий голос, полный силы. В нос бьёт сильный аромат курящихся благовоний. И это, пожалуй, единственное, что изменилось. Раньше отец не любил благовония и не разрешал разжигать ароматические лампы. Но сейчас комната будто вся плывёт в сладковатом дурмане.

– У тебя изменились привычки?

– С наступлением старости начинаешь пересматривать свои взгляды на некоторые вещи, Артемия. Отдохни, ты, верно, утомлена с дороги?

– Нет. Я не смогу лечь отдыхать, пока не прогуляюсь по улицам родного города и не вдохну аромат улиц.

– Хорошо. Но будь осторожна. За тобой будет следовать охрана из «крадущихся».

– Мне не нужен целый полк охраны. Достаточно будет и одного охранника, которого ты забрал у меня на время.

Отец кивает:

– Он в северном крыле. Прогуляйся, если желаешь. Но возвращайся к вечеру, я хочу устроить праздник в честь возвращения своей дочери.

Я покидаю покои отца. Хочется посидеть рядом с ним, поговорить о столь многом. Но на столе перед ним лежали кучи свитков с печатью города. Правитель занят решением важных дел, а меня учили правильно распоряжаться временем, выделяя для каждого занятия свой, особенный час. Потому я прогуливаюсь по дворцу. Большинство слуг, скользящих по прохладным коридорам, мне незнакомы. После покушения отец заменил почти всех.

Я мельком заглядываю в крыло, где располагаются мои покои, отмечая, что комнату обновили, и иду дальше. Я не хочу торопиться, но ноги сами несут меня быстрее, чем следовало бы. Радостное возбуждение охватывает меня, заставляя едва ли не скакать вприпрыжку. Наверняка такое поведение не к лицу будущей правительнице, но пока коридоры пустынны, я позволяю себе расслабиться. И, поворачивая за угол, понимаю, что ноги в лёгких сандалиях скользят по чересчур гладкому полу. Я едва не растягиваюсь на мраморном полу, но в последний момент тень, метнувшаяся ко мне, успевает подхватить за миг до падения. Сердце резко дёргается вверх и замирает, прежде чем вернуться на своё место.

Сильные руки крепко удерживают меня. В полутьме коридора взгляд золотистых глаз мерцает, словно у дикого зверя. Мои губы сами расплываются в радостной улыбке. Инсар.

– Не помню, чтобы здесь на полу лежал мрамор.

– Часть внутреннего убранства дворца была заменена по приказу Правителя, – спокойно, чуть отстранённо отвечает «бессмертный». Кажется, он совсем не

изменился. И я – тоже, но отчего-то прикосновения горячих ладоней воспринимаются немного иначе. Я ищу и не могу найти причину подобного волнения. Это же Инсар, сколько раз за время службы ему приходилось и переносить меня на руках, и поднимать, и закрывать собой. Но вопреки здравому смыслу всё ощущается немного иначе…

– Я хотела бы знать, что ещё изменилось за время моего отсутствия.

Инсар поставил меня на ноги и отстранился.

– А ты ничуть не изменился, Инсар. Всё тот же. Только вновь стал молчаливым, как прежде. С отцом не поболтаешь по-приятельски, верно? А теперь тебе придётся вновь привыкать к моей болтовне. Потому что там у меня не было ни единого друга, с кем можно было бы поговорить, не опасаясь, что твои слова обернут против тебя.

Я устремилась вперёд и обернулась, глядя на него через плечо:

– Ты идёшь следом за мной?

Глава 14. Прошлое

Город всё тот же – красивый и убогий, богатый и нищий, прекрасный и отталкивающий одновременно. Здесь великолепие улицы Чёрных Роз соседствует с безобразной высокой стеной, отделяющей руины квартала Жалящих Гадюк. Одновременно пахнет изысканными ароматами цветов многих садов и откуда-то мерзко тянет тайсой. Я болтаю почти без умолку. Впечатления вливаются в меня бесконечным потоком и стремятся быть выраженными в словах. То и дело оглядываюсь на раба, безмолвно вышагивающего рядом.

Мне кажется или он меня совсем не слушает, отвечая односложно и будто нехотя. Инсар и раньше был неразговорчив, а сейчас ему словно на рот повесили замок. Он даже замечаний мне не делает, когда ему чудится в моих действиях беспечность, но молча оттесняет от мнимой угрозы. И только. Подобная молчаливость медленно, но верно начинает раздражать. Настроение начинает

портиться ещё и потому что многое из собственного привычного поведения, о котором не задумывалась раньше, вдруг кажется глупым. Я словно пытаюсь натянуть на себя платье, из которого уже давно выросла. Оно – мало мне и никуда не годится, но я не знаю, где взять новое и что с ним делать.

День оказывается чересчур насыщенным и я решаю вернуться во дворец. Списываю всё на усталость и после длительного перехода и взбудораженность от возвращения в родные края. Стоит немного отдохнуть, и всё встанет на свои, привычные места.

Но отдохнуть не удаётся: во дворце устроили пир в мою честь и мне нужно на нём присутствовать. Служанки уже приготовили один из роскошных нарядов: белое, до пят платье прошито золотой нитью. Оно свободными волнами струится по телу и лишь на талии перехвачено широким поясом, украшенном синими сапфирами.

Я не узнаю себя в зеркале – окончательно понимаю, что той девочки, знакомой мне недавно, уже нет, а её место заняла другая. И мне ещё только предстоит узнать и подружиться с новой, повзрослевшей версией самой себя, иначе реагирующей на всё. Возле дверей покоев наготове стоит Инсар. При виде меня он делает шаг вперёд и застывает на месте. В глазах плещется незнакомое выражение: огни факелов, отражающихся в зрачках, не дают понять, что именно спряталось в золотой поволоке. Я отрицательно качаю головой:

– Кто тебя обычно сменяет?

Инсар медлит с ответом.

– Ты разучился говорить?

– «Крадущиеся» и несколько человек из дворцовой охраны, – всё же говорит он.

– Хорошо. Пусть они сменят тебя. Немедленно. Кто знает, вдруг ты разучился не только отвечать на вопросы, но и сражаться, если в том возникнет нужда.

Он порывается что-то сказать, но я жестом отсылаю его прочь и скрываюсь за дверьми покоев, переводя дух. Какое-то непривычное ощущение щекочет

изнутри, и от него хочется, как той дикой кошке, шипеть и скалить зубы.

Приказ исполняется немедленно. Возле дверей выстроились несколько воинов в тёмно-сером и стражи из дворцовой охраны, разряженные в белое, доспехи начищены так, что в них можно смотреться как в зеркало. Я улыбаюсь, примечая в тени стен фигуру, застывшую, словно бронзовая статуя:

– Теперь сопровождение выглядит достойным дочери правителя Верксала.

Я торопливо шагаю вперёд, платье облаком опутывает ноги и от лёгкого ветерка струится за мной, словно туман.

В зале для пиршеств я занимаю место рядом с отцом. Шум голосов собравшихся смолкает ненадолго, а потом нарастает с новой силой. Звучат хвалебные речи в мою честь и бесчётное количество раз опорожняются бокалы с вином. Отец беседует со мной в полголоса, тихо посмеиваясь шуткам и точным замечаниям. В его глазах светится гордость за оправдавшиеся ожидания, и сердце немного оттаивает.

– В скором времени ко двору прибудут посланцы из соседних городов, – говорит отец.

Я не перебиваю его, дожидаясь разъяснений.

– Некоторые из них надеются укрепить существующие связи, – продолжает отец. И дальнейшее можно не объяснять.

– Брак? – слово короткое и резкое, как взмах топора. И такое же нежеланное, особенно если оно зависло над твоей головой.

– О том говорить ещё рано, Артемия. И мне хотелось бы отсрочить это как можно дольше. Я не для того растил дочь, чтобы отдать её в руки чужаков, пусть даже из близлежащих городов. Мне будет спокойнее, если ты останешься в родных стенах города.

– Как хорошо, что наши желания совпадают. И я надеюсь, что твоё решение не станет для меня неожиданностью.

Вместо этих слов хотелось бы убежать как можно дальше за каменные стены Далмата. Если бы знала, что сразу по возвращении меня ждут подобные вопросы.

– Не переживай, Артемия, – сжимает мою руку отец, – у тебя будет выбор.

– Вот как? И ты прислушаешься к моему мнению? Что, если я, вообще, откажусь выбирать и захочу чего-то иного для себя, чем стать узелком для скрепления связей?

Отец смеётся:

– Об этом мы обязательно поговорим, но позднее. Сейчас нужно отдать должное – вот им…

Возле подножия трона уже стоит первая пара из длинной вереницы тех, кто желает одарить меня. Желает – громко сказано, ибо так принято. Не думаю, что кто-то из толстосумов на самом деле хочет избавиться от части накопленного или заработанного, если только не надеется на благосклонность взамен. Я улыбаюсь и принимаю подношения, выслушивая принятые обращения. В Верксале много золота, но сейчас кажется, что его всюду – с избытком. И горы подношений опасно высятся, грозясь погрести под собой.

– Что ты думаешь об этом? – склоняется ко мне отец.

– Думаю, что золота в Верксале не стало меньше, – улыбаюсь, глядя на то, как слуги выкатывают на подставке статую жеребца из золота в натуральную величину, подаренную кем-то.

– Его стало ещё больше, – ровным голосом замечает отец. Перед подножием появляется очередные дарители – тучный, дородный старик и молодой мужчина. С одного взгляда становится понятно, что это отец и сын.

– Алвиан из рода Валент и его сын Рексенор.

– Не помню их совершенно, – я напрягаю память, пытаясь извлечь из неё знания об этой семье. Отец заставлял запоминать фамилии знатных семейств и чем они

прославились. Но здесь – ничего, пустота.

– Не пытайся, – усмехается отец, – они обосновались в Верксале после твоего отбытия. Золотоносные рудники и добыча опалов.

Я благосклонно киваю. Руки отца и сына – на первый взгляд, казалось бы, пусты. Но потом слуга на небольшой золотой тарелочке подаёт Рексенору занятную безделушку, которую он ставит у моих ног. Тонкие пальцы мужчины поворачивают ключ в боку птички золотой птички, и она послушно разевает клюв, из которого доносится мелодичный перезвон. Среди обилия массивных золотых украшений и аляповатого кича безделушка смотрится намного выигрышнее. Я рассматриваю птичку, отмечая изысканность работы, от глаза не ускользает россыпь мелких бриллиантов на крыльях и зелёные изумруды вместо глаз.

– Туго набитый золотой мешок? – спрашиваю я у отца едва слышно.

– Под завязку, – в тон мне отвечает он, – но на многое не претендует, держатся скромно.

– Ещё бы, для остальных они – чужаки.

Я перебрасываюсь словами с Рексенором, отмечая, как ровно и послушно выскальзывают слова из его рта. Они звучат правильно и так, как, до?лжно быть, но создаётся впечатление, что мыслями он витает далеко отсюда. Но, по крайней мере, на него приятно смотреть и взгляд его лишён той нагловатой заинтересованности, что у прочих. Как ,например, у крепкого коренастого мужчины, темноволосого, с тяжёлым лицом и надбровными дугами, выступающими далеко вперёд.

– Что ещё интересного, Артемия?

– Ничего особенного, отец. Кроме того, что мне не нравится вон тот, – я улыбаюсь мужчине и поднимаю бокал вина.

– Ке?лсий из Мемоса, – усмехается отец, – и чем же он тебе не нравится?

– Он смотрит так, будто всё здесь уже принадлежит ему. И я в том числе.

– Мемос крупнее, чем Верксал. В нём жителей больше, чем у нас.

– Но это не значит, что он богаче и укреплённее. Или за два года моего отсутствия что-то изменилось?

Отец смеётся – в глазах пляшут весёлые огоньки.

– Просто проверяю, совпадают ли наши с тобой мнения.

– Это либо неуважение, либо отсутствие воспитания. Будь на то моя воля, я бы преподала ему урок.

– Надолго он здесь не задержится, – едва улыбаясь, замечает отец. Ему Ке?лсий из Мемоса явно не пришёлся по вкусу.

***

Пир затянулся далеко за полночь. И моё пробуждение на следующий день довольно позднее. Голова тяжёлая и противно звенит – даже нескольких бокалов вина оказывается слишком много для меня. И я даю себе зарок на будущее – лишь делать вид, что пью. По дворцу снуют слуги и во внутреннем дворе прогуливаются гости. Издалека замечаю Келсия в окружении его людей и нескольких наших советников, направляющихся к тренировочным полям. Я отправляюсь следом – интересно знать, что ему понадобилось именно там.

Келсий оглядывает всё сверху тем же победным взором. Заносчивый, неприятный тип. О чём-то спрашивает советников, кивая. Внизу, на песке проводят обычную тренировку стражники дворцовой охраны. Моё внимание привлекают не они, но всполохи бронзы на краю поля. Инсар, кажется, уже окончил тренировку – разоружается, снимая доспехи. Под кожей буграми перекатываются мышцы, солнце отражается на коже, лоснящейся от пота. Меня бросает в жар, словно я исподтишка подсматриваю за ним. И понимаю, что впервые смотрю на него не как на молчаливого спутника и раба, но как на мужчину, привлекательного резкой красотой. Он красив не изысканными чертами, но грубыми небрежными линиями лица и точёными движениями тела, с

запертой внутри мощью и сноровкой.

–… мой воин способен положить на песок любого, – доносится до меня обрывок разговора Келсия. Во мне взметается раздражение на него и на советников, допустивших его туда, куда не следует. Не стоит чужаку разглядывать тренировки стражи, подмечая детали. Я неспешно подхожу.

– Должно быть, твой воин силён и сноровист, – замечаю я.

– Так и есть.

– Я хотела бы взглянуть на него.

– Навряд ли женщина, даже столь блистательная, как дочь Ликомеда, по достоинству оценит его мастерство, – вальяжно отвечает Келсий.

Я не столь глупа, чтобы проглотить оскорбление, завёрнутое в оболочку комплимента.

– И всё же я настаиваю. Только если тебе на самом деле есть что продемонстрировать, а не сотрясать воздух пустой похвальбой, – отвечаю, улыбаясь мягко и дружелюбно, но слова резки. Он мрачнеет, явно не ожидал подобного. Келсий поворачивается боком и делает знак одному из своих людей, веля ему спуститься, на пески поля. Здоровяк кланяется и неторопливо спускается по лестнице, неспешно снимает рубаху, оставаясь лишь в коротких штанах и кожаных сандалиях. Ну что ж, ему есть что продемонстрировать – широченные плечи и длинные руки, бёдра, словно ствол дерева. Воин потирает огромные кулаки, поглядывая на тренирующихся.

– Выглядит внушительно, но насколько он изворотлив и быстр?

– Лучший из лучших. Он может уложить любого, не пролив ни капли собственной крови.

– Вот как? Хотелось бы взглянуть на это поближе.

Я спускаюсь по ступенькам и даю знак слуге, чтобы тот подозвал «бессмертного». Инсар появляется передо мной.

– Я хочу посмотреть на что ты способен.

Инсар молча склоняет голову и ступает назад.

– Подожди, – я снимаю лёгкую, тонкую шаль с плеч. Она белая и прозрачная, словно паутина.

– Обвяжи вокруг себя. Воин Келсия может уложить любого, не пролив ни капли собственной крови. Посмотрим, удастся ли это сделать тебе. Думаю, бой на коротких клинках будет кстати.

Слуга расторопно кидается прочь, готовя клинки для боя.

– Постарайся не замарать ткань кровью, Инсар. Ни своей, ни чужой.

Инсар перекидывает тонкую ткань через шею, обвязывая вокруг торса, и смотрит на меня.

– Медленно или быстро? – спрашивает он,

– Быстро и красиво. У меня полно дел.

Инсар быстрым шагом приближается к сопернику и склоняет голову, приветствуя того. Мужчины легонько стукают короткими клинками, зажатыми в двух руках, друг о друга и встают в боевую позу. Первым атакует воин Келсия. Крупный мужчина на самом деле оказывается быстр. Я не ожидала от этой горы, размером превосходящей даже Инсара, подобной прыти. Но Инсар тенью скользит в сторону, уходя от удара. Здоровяк вновь наступает, на этот раз он быстро приседает, целясь в живот. Инсар отпрыгивает назад и лишь ударяет по клинку соперника.

– Похоже, что твой воин годится только для того, чтобы отступать, – насмешливо замечает Келсий, глядя, как Инсара теснит его воин. Звон клинков всё ближе – здоровяк теснит Инсара прямиком к нам, намереваясь бросить триумфальную

победу прямиком к ногам своего господина.

– Если ты прав, я поблагодарю тебя за то, что помог обнаружить слабейшее из звеньев.

В этот момент воины находятся напротив нас. И в следующее мгновение здоровяк оказывается пойман на клинок Инсара – тот полосует его по плечу. Через мгновение «бессмертный» оказывается уже с другой стороны, расчерчивая тело противника красным. Он перемещается быстро и взгляд едва успевает отследить его перемещения. Взмахи рука настолько быстрые и размазываются пятном в воздухе – словно дрожащие крылья стрекозы. Здоровяк кажется просто неуклюжим увальнем по сравнению с бронзовым всполохом, кружащим вокруг него. Это не битва, а танец – так неуловимы и точны касания лезвий под лёгкий перезвон металла. Последний рывок и здоровяк замирает – с клинком Инсара у самой глотки. Тут и там сочится кровь из ровных поперечных порезов, спускающихся по спирали.

– Достаточно.

Большего доказательства мастерства не требуется – но Инсар, отбросив клинки, разматывает ткань, обёрнутую вокруг тела, демонстрируя её. Ни единой капли крови, ни даже пореза. Внезапно он склоняет голову. Покорный и преданный, но, протягивая ткань мне, смотрит прямо в глаза. В его взгляде читается вызов. Первая эмоция, понятная мне с момента приезда. И приятная. Я принимаю ткань из его рук. Хочется обернуть её вокруг своей шеи, вдыхая пряный мужской запах, но вместо этого я накидываю ткань на шею Келсию. Тот, словно очнувшись, спрашивает:

– Это лучший из воинов?

– Лучший? – я пожимаю плечами, глядя на Инсара, – понятия не имею. Я отсутствовала длительное время и обратила внимание на первого, попавшегося на глаза.

Глава 15. Прошлое

Келсий уходит посрамлённый. Советники что-то бормочут, посмеиваясь, и раздувают от гордости грудь колесом, словно сами показали всё, на что способны. В глазах Инсара читается ожидание. Чего? Похвальбы? Доброго слова?.. Я разворачиваюсь и удаляюсь – отец приглашал на прогулку по городу. Вместе со мной и почётными гостями. Наверняка она затянется до самого вечера. Так и происходит – мы разъезжаем по городу, посещая Храмы и сады, прогуливаемся в тени садов и ведём разговоры, неспешные, как ленивое журчание ручья, но полные подводных камней. Я утомлена событиями целого дня и возвращаюсь во дворец, желая оказаться как можно дальше от надоевших лиц.

В тени дворцовых стен прохладно. Прогуливаюсь по коридорам, выглядывая то в одни окна, то в другие: отовсюду открывается разный вид на город. Улицы, запруженные людьми, уже пустеют – после заката на них останется всего несколько случайных зевак. С балкона дальнего крыла видны стройные пристройки. С первого взгляда кажется, что это дома обывателей, но это город в городе, квартал дворцовых рабов, живущих в небольших домишках. Глаз замечает знакомую фигуру. Инсар стоит на одной из боковых улиц рядом с какой-то рабыней – её выдают широкие браслеты на запястьях. Невысокая, ладная женщина рассказывает что-то взахлёб, посмеиваясь, и изредка касается локтя мужчины рукой. Инсар отвечает ей, кажется, так же немногословно, как и всегда, но отвечает.

Изнутри поднимается волна глухого раздражения на него. Со мной он не захотел перекинуться даже парой слов, но растрачивает фонтан красноречия на рабыню. Ровня к ровне? Лицо полыхает. Я знала, что рабы проводят свободное от обязанностей время так, как им хочется, в рамках установленных правил. Рабам не разрешается создавать семьи без разрешения на то хозяина, но «бывать в гостях» не возбраняется. Новое чувство по ощущениям даже хуже недавнего раздражения. Оно едкое и жгучее. Но еще неприятнее понимание того, что охотно поменялась бы местами с той рабыней, чтобы не чувствовать себя так, словно меня игнорирует раб, подаренный мне.

Я разворачиваюсь и стремительным шагом покидаю это крыло дворца. Мне вдруг становится тяжело дышать, а жар, исходящий от неостывшей земли, заставляет лицо полыхать. На одном месте не сидится совершенно. Я переодеваюсь в дорожную одежду и спускаюсь, пешком иду к зверинцу. Идти далеко и лучше бы мне оседлать коня или велеть, чтобы мне подали повозку, но я упорно иду пешком. Где-то позади скользят серыми тенями «крадущиеся». Я

прохожу мимо огромных огороженных загонов, в которых резвятся различные животные, бреду мимо клеток с рыкающими хищниками и поющими птицами. Я оглядываю животных в поисках новых: кажется, что вот за тем поворотом будет стоять клетка с полосатой лошадью, стоит только её оседлать и…

Глупости это всё, недостойные и суетливые. Я пытаюсь отбросить лишние мысли прочь, но против воли они теснятся в моей голове. Я нарочно иду дальше, чтобы гвалт и животный ор заглушил все мысли в моей голове, но вместо этого они звучат лишь мягкими отголосками где-то вдали. Возле стеклянных ящиков со змеями я останавливаюсь, прислушиваюсь, вспоминая странный случай со змеёй перед отъездом. Казалось, ещё немного и я смогу понять, о чём она говорит. Но в этот раз в шипении неслышно ничего сокрытого. Я подхожу ближе и аккуратно сдвигаю крышку одного из них. Внутри гадюка, подобная той, что подкинули мне. Змея спокойно ползает по песку и обвивается вокруг сухого дерева. Нужно лишь протянуть руку внутрь и взять её. Я едва опустила пальцы за стекло, как меня бесцеремонно оттаскивают. За шиворот, словно нашкодившего котёнка. Я знаю только одного охранника уже встряхивающего меня так раньше. Крышка стеклянного ящика захлопывается. И передо мной возвышается Инсар, глядя на меня недовольно. Но без лишних слов. Опять. Я усмехаюсь:

– Разве я тебя звала?

А в голове какая-то неправильная радость: он мог появиться здесь так быстро, если покинул квартал рабов сразу же, вслед за мной.

– Нет. Но той смене стражей пора на покой. Мне уйти и позвать кого-то другого?

– Уйти. И дожидаться меня около северного крыла. До наступления темноты.

Инсар недоумевает, но не задаёт лишних вопросов. И не стоит. Я всё равно не отвечу. Бесполезно трепать языком. То, что я хочу ему показать, нужно увидеть своими глазами.

Едва стемнело, я переодеваюсь в тёмно-серое платье и накидываю плащ. За мной сразу начинает следовать парочка охранников. У северного выхода я приказываю остановиться, показывая на Инсара, дожидающегося меня.

– Вы свободны. Дальше меня будет сопровождать «бессмертный».

Я иду вперёд, не оборачиваясь, знаю, что Инсар бесшумно следует за мной. Цель моей прогулки – далеко за пределами дворцового квартала. Оседлав лошадь, держусь впереди, направляясь к горному массиву, виднеющемуся за городом. У границы останавливаюсь:

– Дальше пойдём пешком, привяжи лошадей.

Он исполняет приказы беспрекословно и держится рядом.

– В горы? В сумерках? Это небезопасно.

– Боишься заплутать? Не думала, что «бессмертный» боится чего-то.

– Опасностей немало. И заплутать – меньшая из них.

– Я пройду там с закрытыми глазами, ни разу не ошибившись, Инсар.

– Это те самые тропы, которыми можно покинуть Верксал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/adams_erika/plenennaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить